

СМЕНА

ИЗДАНИЕ КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ

№ 1
ИЮЛ
193

КОМСОМОЛ

НА ФРОНТЕ
СТРОЙКИ

* В ночь на 10 июня, разрывав темноту и тишину засыпавшей улицы, начались на матине работы Шахты с этого же самого места им. Ленсе. Он весной скажет номер «Праздник», тот самый памятник, в котором было опубликовано постановление правительства о выпуске займа «4-

завершающего года пятилетки». Пролетарские сыновья Украины, участники военного комитета, по флагу на заводе колыхались, от плещали до плещали всплынули приветственные лозунги.

Минуты решали цифры. Часы гнали вверх кривую роста подвига.

* Трудно даже предположить, что прымеренный комсомолец Мухин, кудрявый юнец, брандир Жуковский, однажды, вспомнив о честном году тому назад, был взятым карточниковым лизунтом. Однако это так. Комсомольский комитет Ленинградского горторгового порта, перевоспитал не один десяток ребят, подобных Мухину. Секрет в том, что он не занимался пропагандой, не писал массовой развлекательной пропагандистской работы. Человек, живой человек со всеми нуждами и заботами, изнашеннными вопросами, изысканными подчас тружкой на пакетах, стал в центре внимания портовых комсомольцев.

* Что такое «кульпарг»? Это по-модночки «носитель новостей». Вот таким «чином» награждена группа комсомольцев и партеров в Кинешемском районе. Среди волонтеров края. Эти «кульпарги» организовали большую помощь в организации массовой работы в поле. Они приходят с сумкой на почту, получают для своих бригад газету и отправляются в поле. Там они

Комсомолец Шувалова из конструкторского бюро промышленного отдела Электрозводы подписал на 600 руб. при месячном задолжении в 180 руб. Двадцать два молодых рабочих завода «Буревестник» вступили в Кomsомол, одиннадцать из них — комсомольцев подали заявления о вступлении в коммунистическую партию.

* Нужны ли комментарии к нашему снимку? Может быть только одна — «вверх сияла Добрынина» площадь Москвы.

Умело направленные стрелы агитации и пропаганды проникают в рабочее общество, проникают в сознание рабочих, а также в сознание их жен, детей, стариков, адвокатов, судей, служащих, карты, пиво, Каждая цеховая яичница (а их всего 70) прикреплена к определенному общежитию, 40 комсомольцев брошены на укрепление красных уголков. Создано 16 образцовых молодежных комитетов, каждый из которых — неплохой агитатор.

Вглядитесь в наш снимок. Он здоровью скучает, на первом плане — на койке, сидят в другие комнаты бараков «Шарнироподшипников». Всюду одно и тоже — красных уголков нет, газет и журналов нет, людей заставляет скуча и апатия.

Бараку — комсомольское шефство! Придите сюда с беседкой, песней, вяните жильцов в общественную работу по бараку, сделайте его символом культуры и здорового быта.

* В инструментальном цехе завода «Геофизика» в честь VII пятилетней организации кружок политучебы им. Постышева.

Снимок слева:

устраивают коллективное слушание газет, рассказывают о последних политических новостях, доводят до колхозника последние решения партии и правительства.

* «Носители новостей» делают большое и нужное дело. Их опыт надо использовать всем колхозным яичникам.

* Десятки тысяч комсомольцев ведут трудную, подчас героическую работу на культурном фронте. О них знают меньше, нежели о тех, кто вспоминают. На нашем снимке — портрет комсомолки Фриды Гугис. 1931. Она работает в кооперативе «Выборгский рабочий» (Ленинград). Яичника ласкает ее

* Паровоз широко взмывнул проходным спистиком и занес первую восьмовскую комсомольскую массовку, посыпанную VIII всесоюзной конференцией, к воздуху, соудорожие. Через час поезд доставил ее в станцию Полоцкую. Здесь среди зелени, на берегу изумрудного озера красного Сенежского озера, прошел свой выходной день 1200 комсомольцев московского автозавода им. Сталина. Купались в озере, играли в футбол, давали норму из энциклопедии, читали газеты, пели песни, слушали политбеседы, играли в политиконтирони, вели военно-технический бой. Вечером в залах образовано прошли концерты по союзному дню.

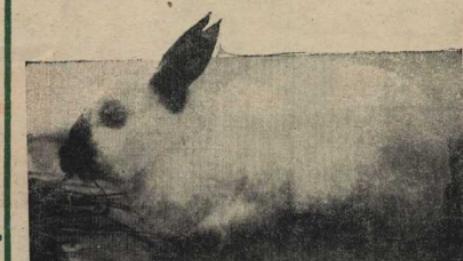
Разнообразно, весело и содержательно прошли дни станицы в кинескопных окрестностях знаменитого подземного города Северного моря. Уже совсем почти никак с юродой лесной загорелась, зарядила солнцем ребята возврати

сь в Москву. Из вагона в вагон передавали по конвейеру шутки, впечатления о радостном дне. На снимке: сдача норм стометрового бега на знаком «ГТО».

* Не собирается ли кролик жаловаться на вас? Готовы ли для него корма, картошки? Помните! Постановление ЦК партии о развитии кролиководства обязывает комсомольца

скорошь будут ранжировать цифрами многотысячного упитанного и откормленного кроличьего поголовья с тем, как они выполняют директивы партии

всего Союза изыскать местные устуры для разведения кроликов.

Недавно ленинградцы провели первую комсомольскую зоотехническую конференцию по кролиководству. Ленинградцы всерьез взялись за это дело и

На снимке: кролик высокопородной шакировой породы «Русский горностай».

В основном же кроличий скот в Салтыковке под Москвой разводят две породы: шиншилл и венская голубая.

С М Е Н А

Литературно - художественный,
общественно - политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

№ 13
1 9 3 2

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Издание "Юнион, праца"

Адрес: Москва, центр, Малый Черкасский пер., д. 3/4
Тел. 45-60

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Рассказы и очерки

Я. ШВЕДОВ	
Ответ прошлому	5
М. АФОНИН	
Забытая смена	8
Д. ДОБРОВОЛЬСКИЙ	
Стена	10
М. ГОЛЬДЕРГ	
Мытарства Анны Яновлевны и ее семьи	14
М. КАССИНОВ	
Бурканные мудрецы разгадывают комсомольскую загадку	16
А. КОНДАКОВ	
Крупная медаль	17

Стихи

Г. БАРАНОВ	
Четвертый, завершающий	6
В. САБЛИН	
Песни о друге	15

Смотр молодежной литературы

М. БОЙКОВ	
Юрий Герман	20

Контуры второй пятилетки

П. ДОЛАТИН	
Вторая нефтяная база на Востоке	21

Комсомол на фронте стройки

2

В цехах культуры

7

Цех занимательной техники

23

Фотозал «Смены»

Илюша Оломов переселился в новый дом	16-19
--	-------

Фотомонтаж — на конференции московского комсомола

12-13

На «Ложке» — колхозный базар

--

Рисунки:

В. Васильева, А. Авакумова, В. Бри- скина, Конфертисса, Евгана

Фото:

Абашкина, Б. Иванцкого, Бать,

«Сюзфото».

НА ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МОСКОВСКОГО КОМСОМОЛА

Зарисовка худ. Д. Авакумова

ПРОВЕРКА ИСПОЛНЕНИЯ

Рис. В. Васильева

Некоторые комсомольские руководители подчиняют формулу за полгода развертывание това/оборота посреди за инфлюзию горючих точек

— Главное, чтобы числились!

ОТВЕТ ПРОШЛОМУ*

Его привезли в листопрокатный цех поздно вечером. Зима вес сам председатель завода. Первая смена, работавшая изнанка в вечер, захватила свой день. Кончегары, приходившие в цех раньше на полчаса, сегодня медлили с уходом и санитары старательно терли желтыми «десертными» отпечатками, смешанными с пастой «чеснок», большие, плохо отзывающиеся руки.

В цехе было шумно и пестро, как на годовой ярмарке. Так показалось Сергею Семенову. Разинамльщица второй смены, принедавшие во второй раз сегодня в цех, обшившись ходили по дебаркадеру, ими товарных вагонов и платформ, точно готовились кого встретить. Длинные, изогнутые, изогнувшись, как старые поминчие деревни, стояли сбились в кучу; как на тульице в чужом селе. Старые стекловые пальтощины, сафарины, одетые в праздничные костюмы, сладили за работой толпачей, обменивались короткими замечаниями. Ныне третья смена начинала работы ранние на полчаса. Взмъяленные маховики остановились.

Логунов, не снимая фуражки, побежал в контур цеха вызвать на торжественное цеховое собрание секретаря цеховой ячейки Пиццоли и директора Пекуню.

Сергей Семенов, второй подрядный Логунов, оправив тяжелую от пота и пыли юбку белесых брюк, сорвал с себя на лоб и наделся в чистую рубашку и вытащил привесенный им на чулаке певчий и хмельной баин.

Позднее в листопрокатный цех пришли сменные.

Рабочие вели синюю, несли на руках малявок дочурок. Заботливые жены, не отставая от мужей, легко или с ними рядом. Страны, вспомнившая пышные мольбствия, размыкались глазами те места, где раньше наставляли иконы.

Подростки, приведенные отцами на сегодняшнее торжество, быстро переносились и ходили по цеху мимо остановившихся машин, маховиков и валов. Отцы думали о том, что давно ли, когда эти цех был маложе, их тоже приводили сюда по ее прадедства, а из машины, в блеску деревянных песчаников и размытые служащие.

Сергей, логуновский подрядный, развернула гармоны. Рабочие поняли сердцем, как чутко исторожились корпуса листопрокатного цеха. Гармонист расцелал искусной игрой звуки, праздничные и скромные, как девушки-ребята. Собираясь рабочие, чайка, чайка, показывали, что в их цехе стало и светлое, и просторнее. К ножинам стала, где столько лет обегаивались горячее желедо, подхалимые работницы, заманчивые баином.

В ожидании начала собрания неожиданно насталася пляска. Разинамльщица Шаргиня ритмично ходила по полу, а узкая, синяя, широкая юбка, изогнувшись, махнула в круг на плаксы, но никто не выходил, не снимая с плакса ремня гармони, в круг вошел Сергей Захарыча Войда, он гордо и заносчиво выставил левое плечо и, удавливая гармонистов ритм плакса, все прошли по кругу, слегка толкнув в кругу женщины плаком.

— Слушай, — сказал, у Шаргиной муж сзади смотрел, — ульянова Логунов.

— Да я ничего...

Смущенный, он вышел из круга и замер на просьбе чекетчу, вызывавшего лучшего голубятника и чечеточника Ямской канавы.

2

В шесть часов прибыли обувщи гармони. Не помнили ножин, как на трибуне, поднялись секретари, заводской ячейки Пиццоли, директор Иван Степанович Пекуню, вальзовщик Кленоп, Симонов, Корнеев, Карпин и Логунов и краиновец Викторов.

Председатель заводского комитета развернул тяжелый барак знамя. Золотой щит вспыхнуло и побежал перед глазами со спасением, а на щите были прописаны: «Лучшему цеху за выполнение производственной программы от завода «Птиц и молот».

* Отрывок из романа «Потери отечества».

Председатель заводского комитета развернул тяжелый барак знамя

Логунов, сделав шаг вперед к толпе, понял, что он неотделен от нее, как и она в свою очередь неотделена от него, ибо он в ней целиком, а она полностью — только в нем.

Тень тишины, скрывающей лицо brigadiera Logunova, или от того, что он стоял на звуки письма, Logunov показался рабочим слишком высоким, может даже и не признали его.

Он породил в кармане куртки и вытащил засаленную газету.

— Товарищи! — Logunov поднял руку вверх. — Итог рано подводить. Соревнование продолжается...

Логунов встремил рукой, и все увидели засаленный старый номер многотиражки «Марш».

Вот здесь — стал громче выкрикивать он, разорвавшаяся газета, — наш цех называемый цехом подрядчиков, — прогуливаток и симулянтов. Пропшел год и шесть месяцев, — он стал ведущим цехом завода. Будем хранить рядом со знаменем, в газете «Марш».

Логунов оторвал пазуху. На помост, кувыркнувшись, упала записка.

Хорин поднял недолговечную записку, мельком взглянув и прочитав, что она предназначена Пиццоло. Секретари подошли ближе к свету, чтобы прочесть. Потом Пиццоло передал записку Logunovу.

— Прочтите, — сказала он, — передать Пекуню и предупредить его, что она снова ко мне вернулась. Это важно...

— Хорошо, — ответил Logunov. Возвращая записку, Logunov попутчивал, что рабочие листопрокатного цеха, будучи рабочими, должны быть рабочими для них и они куда угодно пойдут за ними. Тогда в агонии его и Томаса Хорина, человека, разлучившегося думать о покое, ударили в отрые. Секретарь подполз к краю помоста ножиной.

На помосте обычно не принято отвечать, — так выражаются он — Я зачитаю иконицу, а отвечаете вы сами.

Пиццоло посмотрел на рабочих. Тишина цеха усилила молчанием.

Он прочел:

«Ронине Хори эхзасицирована русских рабочих на помоль. Хорин, теперь он в вас нет пользы партии. Почему впереди всех в работе идет Логунов? Понятно! Логунов партнель. Хори побивается его, оттого всегда логуновская бригада впереди всех идет в работе. Это и есть то называемое социалистическое соревнование. Его ведут у нас две: англичанин Хори и партнель Логунов».

Пиццоло спрятал записку.

— Так же дело у вас, товарищи? Правда, что соревновование подымают только дворе? — спросил он.

— Одна головня в печи не горит! — крикнул Сергей Семенов.

— Один в поле не воин! — подхватили другие.

Томас Хорн тяжело опустился на гребень ножки. Обида перехватила горло, и ему стало немчь дышать. Он облизнул воспаленные губы, но язык был сух.

Обида ширилась и росла. Еще недавно Хорн думалось, что им обретено новое отечество, что здесь, в новом отечестве не похоже на поискотие им.

Платформа кочнил говорить. Тишина окрепла, и собирающиеся рабочие услышали, как плакал соловолоський круглобудий старик. Развинимающий бережко взял Хорна под руки.

Шаргина подняла с платформокуполью шляпу и, стянув пиль, забодливо покрыла голову Хорна.

Нетрудя на свою слабость, он, поднялся на помост.

— Я много требовал, — качнулся он. — Логуновская brigada может подтвердить. Я очень много требовал...

— На всех я отцаши, — заметил в изящнейшей тишине. — Хорн наш. Это ясно...

— Догляди, — пообещали кругом. — За такие можно доглядеть.

Томас Хорн, и огавливаясь, вышел из цеха. Атградой писались заводской сад, ветер гнуя сухую листву. «Я никогда не жалел о сделанном, но сегодня кажется, что я сделал что-то, что не соответствует моей способности и самовыражению по отношению к себе? Почему я расплакалась? А главное — у всех на глазах, как ребенок. Я докажу русским рабочим, что я достоин быть их соотечественником. К чорту сомнение. Это мое отечество!»

4

«Еще долго будновало в листопрокатном цехе праздничное веселье. Уже давно работала почта смеха, а на площадке за ножницами гремел базар. Выходили из Тверской губернии пели и плавали по-тверскому, парни с Ямской канавы это делали так, как это было заведено на Ямской канаве, тамбовские — по-тамбовски.

После песен и пляски рабочие прошли в помещение красного угла пить чай, прито-

— Упарился, — сказал Викторов, ставя икону в угол. — Логинески, если разобраться, пудика да лишним весом звона.

Откинувшись впрочем, Викторов открыл стеклянную дверь в выпытый образ, определенный в тяжелую ризу.

Скалья мир — доплылся у банистки вальяжной Корней, — какая была выгода английскому буржуа русскую икону вешать? У англичанина вера не га.

— Обзываешь. У обмыла вера одноковая, — ответил Сергей Захария и склонился над барабаном.

Ты что хочешь с кнутом делать? — спросил у Викторова.

— Логинески, если к тому же разобраться, можно превратить кнут в витрину, засадить как стекло газетку «Мартен» памятную для нашего цеха, в назидание потомству.

Логунов сплюнул. Викторов показал номер новой газеты «Мартен». Одного утюга из газеты даже нехватало, и судя по тому, как и сколько было оторвано, он решил что не более чем на один закрутик.

Викторов разглядывал на колене старую газету и прикрепил к тыльной доске квота кнопками. Довольный, он отошел в сторону, чтобы попробовать на сию рабочую на окладке в виде головы, онтился над серединой третьей страницы и ноготяжки. Птица, падавшая вниз, как стрела, указывала на тревожную подборку прорыва в листопрокатном цехе. Путя победы цеха проходила через поражения.

Устроив витрину, Викторов широко раскрыла крылья и, сидя на ней, Тень от знамени скрыла собой потерянную газету.

Закончив частные жены рабочих заставили банных играть. Запели «Коробочки», и, недолго ес, затянули про ягоды-малину.

Развинимающий Шаргина затянула «Страдание».

Сложив на коленях молитвенно руки и закрыв глаза, она же пела, а выкрикивала, как крик.

— Дядя платок... —

Дядя туже... —

Искал ущече... —

Нашел хуже... —

Все молчали, когда пела Шаргина. Рабочие далеко живущие от завода, первыми оставили присячу.

Логунов, обхватив руками голову, сидел у остывшего самовара.

А разинимающий все пела о прошлом, долго и тосячно.

5

...Потоки подняли голову. В красном углу созывались опь олии. На бледнеле жестлы стеки остывшего чая. За стеками ходили маховики. От их бега на столе дребезжали чайные ложечки в стаканах. Логунов посмотрел на знамя. Знамя вручено председателем завкома для передачи лучинки удариликам.

Логинески поднялся к знамени, осторожно катнувшись на сию рабочую крылья.

«Соревнование, если погореть азиномике, ведется только двумя, — подумал он, — так почему же по параболе многие станы почти догнали его, Логунова?... Симонов проклят 330 пакетов. Классовый праг вылезает в нацистскую культуристическую борьбу в первообразном виде, — и вспомнил на дерущуюся.

Вальяжный отошел от знамени. Он только сейчас заметил, что в колпаке синим тумаком змьется застывший дым махорки. От крыла окно и седа у стола. Усталость подслащила в киску. И ему подложил под голову шапку и, отодвинув невымытые стаканы, заснул на углу стола.

Бородавка, которая не особенно богата московской позицией осени, поднялась за знамя, за трубки, нарисованное только отсечками позади солнца. Красное бархатное знамя горело, как взыз.

...После песен и пляски рабочие прошли в помещение красного угла пить чай...

Директор Пекунов попросил слова.

— Говорите, — обратился он к рабочим, — что Хорн — ни человек?.. Не сомневайтесь. Верю в это утверждение. Не те забывают, что Хорн приехал к нам из другой страны. Отслужил у него и свою пословую работу. Соревнование не ведет к успеху, — это не учили автором этиологии. Здесь должен быть ведущий человек, по которому можно было бы равняться. Логунов и Хорн были зедущими. Автор классифицирует на рабочих. Хорн — наш человек. И Хорн в общую не дадим.

— Приманью.

Платформа, закрыла собрание, предложила разбом листопрокатного цеха беречь Томаса Хорна.

вленный хлопотливыми разинимающими же-леди. Рабочие расселись и, разогранивали, пододинуясь себе чашки.

Играли в блини логуновские подружки. Солнышко, как в Сокольниках, — улыбнулся старик вальяжющий, показывая на искусственные пальмы-мальчики. Тишина.

— Все хороши, — сказал Логунов, — только жалко, что обидели Хорна...

Засели стаканы. Зеркальные грани стекол в буфете покрылись сизой дымкой. Забытые чайные сини падают, покрыли ими плечи и подтягиваются присячу.

Под шумом Викторова принес икону. Его пиджак был покрыт пилью. На хионе иконы чернели отгини рук.

ГЕОРГИЙ БАРАНОВ

ЧЕТВЕРТЫЙ, ЗАВЕРШАЮЩИЙ

По-нигандийски «АМО» значит — пчела, По-игорянски, какжинь, — любовь, Волунгует сеголия, как вчера, Она Рабушинскому кроется, Но Рабушинскому злеец, бывать — Он скрючен в предельной агонии, А Монголия — это душа приворота: Америку Мы Обгоним, Вручила нам партия планы работ, Победой спуть запрестали мы. Вместо бывшего «АМО» гремит завод Именем товарища Сталина.

На наши рубиницы, знаем мы, Проценты нагонят время. Республику нашу распишут в кровь — Капитализмов мята и грэза. Но новая шахта, комбайн, грузовик — Для всех Рабушинских угроз! На стройку республики наш завод Рабочими смотрят глазами. Поэтому вот в завершающий год Страна выпуслект заем.

В ЦЕХАХ КУЛЬТУРЫ

• Его песенки распевались по всей Франции, его стихи заучивали наизусть передовая Европа. В этом году исполнилось ровно 75 лет со дня смерти гениального французского поэта Беранже. Его поэзия, основанная на традициях Вергилия и французской романтики, вложила в народную борьбу против перешкод феодализма, против попов и дворян Стихотворное мастерство Беранже, наполненное боевым политическим содержанием, высоко ценилось Ленинским. Отзвуки визан-

тии Беранже можно найти и у Чехословацких, и у Куприкова, и у ряда революционных поэтов 60-70-х годов прошлого столетия.

Учтись у Беранже и наши советские поэты. В открытом письме «Литературной газете» группа поэтов — Михаил Булгаков, Борис Асеев, Светлана Ильинская, Сорокин, Сирота и др.— обзывают превратить каждый из одной из песен Беранже и написать стихи, посвященные классику «поэзии революционного преустройства мира».

Снимок из спектакля

• Древнейшее искусство гравюры поднято здесь на большую высоту. Большое мастерство, переплетающееся с высоким социальным напряжением,— таково искусство немецкой художницы Кете Кольвиц. Ее рисунки бурят гневом и возмущением. Изобличение «капиталистического рая», обрекающего миллионы трудящихся на безработицу, нищету, голодную смерть, проходит красной нитью через все твор-

чество Кольвиц. Недавно в Москве была устроена выставка ее рисунков, заставивших с громадной художественной силой образы людей, склоненных железнными тисками голод и эксплуатации.

Выставка Кете Кольвиц показала что одна сотня московских рабочих, работнико, молодежи, увидевших на документах изобразительного искусства рассказ об ужасах капиталистической эксплуатации.

• В апреле в редакцию «Комсомольской правды» пришел высокий человек и лаконично отрекомендовал:

— Ивес.

Это был голландский коммунист, кинорежиссер Ирвэн Ивес, приехавший в СССР снимать фильм о комсомоле. Прошло 4 месяца. Сейчас Ивэн заканчивает съемку эпизодов на Магнитогоре и едет в Кузнецк, чтобы заснять там 2-3 километра плакни о гернической работе молодых ударников на стройке сибирского металлургического гиганта. Часть эпизодов фильма будет озвучена. Помощник Ивена по звуковой съемке — известный пролетарский композитор Ганс Эйслер (автор популярной революционной песни «Коминтерн»). Фильма близится к концу. Впереди — ударные месяцы монтажа, а в 15-ю годовщину Октября фильма поступит на экраны Союза.

• Режиссер Пудовкин работает сейчас над новой фильмой «Ле-верти». На снимке: рабочие московского Краснопресненского завода № 3, принимающие участие в массовых сценах, делая свои замечания с т. Пудовкиным.

• Этого спектакля долго ждали. Спектакль появился и вызвал первую серию горячих и страстных статей. Решисенты искали Гамлета, искали Шекспира, искали то иное толкование этого великого замысла, которую обещалось дать вахтанговский театр в своей постановке шекспировского спектакля.

Видавшие спектакль были очарованы. На сцене разгульная жизнерадостный Гамлет — герой, боец; да подмосткой антархических ворвались буйные краски оптимизма, насыщая мрачный шекспировский спектакль ющим не привратимым веселым.

На снимке характерная картина клоунов-актеров. Режиссер Барбек с клоунами-актерами детского фильма «Кингорезы».

Сегодня снято, завтра смонтируют, а послезавтра фильм смотрят на экране. Чудо? Нет, это нормальная оперативная форма советской кинематографии — кинопоезд. Недавно первая кинофабрика на колесах вернулась из рейса по рудникам и предприятиям Криворожского бассейна. Выпущены из кинофабрик и 6 фильмов о тех, кто задерживает темп строительства, о героях обедающих и утрулившихся, о героях ордена «Верблюда» и о передовиках-ударниках, владеющих искусством большевистских темпов. Короткометражки были по браку, плохому качеству продукции, заставили людей задумываться о причинах плохой работы и делать отходы организована. 34 производственных соединения посовещания принципи-

Попытка новой трактовки Гамлета постановщиком Акимовым не удалась, ибо он не учел социальной обстановки Англии XVI века, не понял закономерности пессимизма, уходящего в глубь клоунов-актеров, идущих к упору. Театральная критика недаром уделила много внимания этому спектаклю. Несмотря на очевидную спорность трактовки Гамлета, спектакль внес немало ценных вкладов в арсенал режиссеров.

На снимке — заслонные kostюмы мальчиков, отражающие общий постановочный стиль спектакля на сцене Вахтанговского театра в Москве.

На снимке — заслонные kostюмы мальчиков, отражающие общий постановочный стиль спектакля на сцене Вахтанговского театра в Москве.

Бibi-Eybatov Palace of Culture and Leisure

ЗАБЫТАЯ СМЕНА

Фото Абашиника

На московском заводе «Борис» все и на многох заводов считают час работы в три смены рабочей. Ночные работы кавалеры должны были бы обесцветить повышенное внимание общественных организаций заводов, в первую очередь комсомольской, к ночной смене.

На деле это не так. Отставать от работы.

Редакция ждет отклика на очерк М. Афонина от рабочих ночных смен.

Рыхлая земля бессущим летит скользь гроздами. «Чаган» и Кузьма Шмаков отваливают лопатами куски земли и веером изсыпают ее на запыленную сетку. Быстро и округло взметаются зачищенные до блеска лопаты: За гроздом вырастает черный холм склейкой формовочной земли.

Рогатка работает молча. Разговаривать некогда, и нет охоты кричать — шум: дробью стучат молоты, обрубушки, гроханье гудят подземные крыши, отрывистые удары молотов напоминают воздух сухими оглушительным звоном.

Только когда расстояние до грозда уменьшается «на лопату», «Чаган» приветствует:

— Давай!

Они и Куялка выбибают мусор, подтаптывают грозды кипе непропашной земли, и сюда разместились и падают изымательные зачищенные до блеска лопаты.

Семийный мастер Василий Петрович Семушкин увлекает «братьев» Сашку Репина («Чаган») и есть Репина. Увлекает в основном за быстроту и аккуратность и отдельно Сашку — по лицу мотылю: за веселый прием.

— Другой мастер, — говорит под лопатой у него сама земля, — а эти — сплошно налево! — в голос рассыпает, — рассказывает мастер.

И землю можно сказать, чистят, указки не надо: сухая — сбрызнут, суха — перебросят.

— Ну, как работаетς, ударник? — весело отвечает Семушкин к Сашке Репину.

Репин ставит в землю лопату, отирает потной рукой чистое от пыли лицо и недозадорно вопросит:

— А направо-налево, Василь Петров, а чего толку?? Кончи этот месяц и уйду к чортовой бабушке!

— Вот так ударник! — опешила Семушкина.

...СПАНЬЕ — НЕ ОТДЫХ, ТОЛЬКО ВИДИМОСТЬ ОДНА...

Ударник, ударник! А хромовые, сапоги для получает? Что ж, я то не заслужил разве?

Семушкин соображает. В сущности говорят, он не собирается пести с Сашкой серьезным разговором, но недовольство Репина задевает его, мастера спомощи, и Семушкин переходит в «настороженное».

— А сколько ты, Чаган, пичке заработал? Дасти?

— Каких же дасти! Сто семидесят либо восемьдесят...

— Да два дня прогула — приподнял Репина мастер. — Так оно и пропустил и выйдет... Прогула — сколько? А еще мрачным укором воскаивает Семушкин. — Что ж ты про сапоги спрашивал?

Сашка Репин смущен. Два дня прогула подвернулся совсем некстати. Действительно было дело. Год работал и вдруг неудача. Семушкин уехал в гости к Семену. Оправдывал Сашку и тот же день. Кончи почем — прогулялся — заявил он мастеру. Кроме мастера Сашка ни с кем не говорил (да и никто не интересовался особенно), а когда спросили ребята, отмахнулся: «Так, со скучи.»

Семушкин доволен, напоминает о прогуле пополз как раз в точку. Он крепко хлопает Репина по плечу и нарочито серьезно говорит:

— Ладно уж, мы тебе... трусики поднесем...

— Хоть трусики, — в том отвечает Репин и, взглянув через плечо, с юмористическим испугом вскрикивает:

— Ой, наворочали, ой, напомни, гады!!! Вместе не перес...

Последнее слово Сашки звучал гаухой гул: с коры сорвалась тихая деталь.

Мастер Семушкин бежит во второй проезд. Густой столб коричневой пыли оседает, и видна беспомощно мотающаяся цепь. Она цепь...

— Кто ж там цепляет! — кричит Семушкин.

Снова визжит лебедка, цепь натягивается до отказа, моторист покачивается, грузины раскаиваются, цепь отрывается, падает в конец прозрела...

— Направо-налево, — быстрая и аккуратность — вот главное в нас Все дело в призыре, — рассказывает Семушкин. — Пожалуй в этом причина, что подсматривают рабочие с ночью: дело труднее... Время? По месяцу по половина в ночь работают, точно не знаю. Я не так давно в цеху.

Семушкин показывает на аккуратную прибраенную площадку, где лежит прогулка.

— А это вчера мои саваны прополосканные работы. Они издетко покраснели глаза и устало привязываются спицами к уложенным в штабеля оцапкам.

— Да, с месяц примерно. Такой характер работы. Насколько я знаю, все рабочие нечто там делают. Идея одна: надо вонять, не ходить работать. Мало ведь сказать — ночная, тяжкая работа: то колючо, то жарко, пыль. Но у нас механизация что-то плохо принимается...

— Пробовали процесс «ускоренствование», — недоверчиво вспоминает Семушкин, — один вонька...

— Может мало думали, возможно. Но правде складывать смены...

Сашка, сунувшись криву, просигнализовывает первые лучи солнца. Темные силуэты ферм, подземных краин, штабелей опок становятся легче и прозрачней. В воздухе дрожит серая пыль.

Директор Гогин с явным недовольством откладывает орден в ночной смене общественных организаций завода.

— Спят нечего сладко, — устало улыбается он. — А в ночной, когда ни приди, ни душа. Мастер да-я... И шмел, и женец, и в дулу играет. Молча работаем, молча и отдыхаем. Есть время — поговоришь с ребятами. Забытая смена, — повторяет директор.

Нынче опять каша с молоком...

Мимо, распахивая в улыбке, проходит двое парней. У обоих в руках—кепки с карточкой.
— Это что еще?— поддинался директор.
— Для разнообразия, товарищ директор. Перед вами оно очень здорово.

Помогли спрятаться по десятку захватили. Нынче утром, уходя по пути кухаркам—сли на кашу с молоком».

— А что, разве скоро обед?— спрашивает директор.

— Попадем как раз в обед...

Горин отправляется в столовую для про-
верки.

Сегодня хорошо, колхозной картошкой привезли,— говорит он.— А то ведь действительно вели кашу с молоком... Мисло есть, но мало. Приходится в основном из порционного пускать по два—два с полтиной. Спит сладко зав-
ком, не в почки им будет сказано!— смеется директор.— Ясно, на самозаготовки надо на-
деть... спасибо, что побольше. Мне уж под-
ело, побольно, побольно.

Свежий воздух, солнце щекочут ноздри, и Горин зевонко чихает.

— Надо бы в душ. Хорош у нас душ! Видел?
Душ действительно испанской Он непод-
ствственно рядом с цехом. Больница коридоры
разделены узловатыми рядами кабинок. Их
адреса: Кухня, рабочий кабинет, санитар-
ный кабинет. Далее за перегородкой козирогов,
в составе помещений расположена душевая. Десятки кабинок. Круглые сутки—горячая
вода.

— Вот ведь,— жалуется Горин,— огромное
дело прорвались на мелочах нас не видно.
Когда я пришел (Горин вспоминает),—
под ходом супом сплющен розовый, и все.
Так и пренес с работы усталый, грязный, так
и на постель, в грязной спецовке. Теперь из
ночной рабочий идет— гладильщик и галстук
подвязан.

В потайном тишине. Сквозь запыленные
стекла краинки робко льется солнечный свет.
Суматошные грохочущие края стоят недвиж-
но, устало свисают пласти тяжелых цепей. От сне-
жной просеянной земли тяготят прохладой.

Сашка Репин, Кузьма Шмаков и Петя Гаври-
лов лежат в их формовочной земле. Кузьма
и Петя спят. Сашка Репин, сидя на краю, не-
пускает дым кольцами. Он старается пустить
кольцо в колцо, поэтому лишил его необычайно

Хорош у нас душ!

...Спит сладко завком

серъезно. Сквозняк разматывает кольца, и Сашка
седрица.

— Не спится,— отвечает он,— грибов дело
поправить. Только растревожились. А пого-
ворить не с кем. Прямо сказать, девяться че-
куда. Побоедель— от силы двадцать минут.
А дальше?

— Был тут у нас один парень, — вспоминает
Репин,— веселый гость (сейчас на учебу по-
шел). Мы с ним—самые заводских. Тогда
всё было. Один раз всех мы смех подняли.

— Опять про Кошкина!— вскричит пропу-
щенный Кузьма.

— А ты приворот ух-то... Вот этот санит
Кошкин— «Пижеволокин» его прозвали— не-
ны им: «Пижевол»— и спать здоров был. И
решили мы номер выкинуть. Нашли «доктору»
капушку. Сначала прожарили ее, потом в ящики
засунули и устроили похоронную процессию.
Вздохнули и дали близко, поробудорядки и — в
общий хорон. Язвы вдруг зажили, кашу над го-
ловой Кошкина и письменами начали. Присосали
Кошкина, чуть не обмер с испути...

— Ну и что ж, хорошего!— вскричит Кузьма.
— Тебе обязательство хоромого, ассесора, я го-
ворю, было. Ты уж дрыхни.

Попеняли на разговор и куче, где мы спи-
ли с Сашкой, подходит еще ребята. Они сонно
потягиваются и усаживаются рядом. Ребята раз-
мы виделись с Кошкиным, никемного человека.

— Поговорите с ним,— поддерживают все
Сашки Репин.— Сахука, тоска. Спите — это
не отдача, только видимость одиночества.

Каждый из ребят спешит выложить «бол-
ное», личное.

— Я вот за городом живу,— говорит Петя
Гаврилов.— Ну и считай, какое же я могу раз-
влечение получить. Лишь спиши, а ветером то-

же сажан — с ночи заступать надо, смотришь,
кабы не опоздать. Так вот из месяца в месяц.

— Из месяца в месяц?

— Я уж полгода бессменно в ночной, а Кузь-
ма — год. Да здесь мало кто по месяцу — по

дню. Данные и учебой заняты, а кухнями разными,

а у нас—«спите, орлы боевые»... Зимой начались ползания и поломаны...

— Ведь хоть гармонику б приволоки в первые!.. Гармони! А? Ребята!

Чаган вскакивает и лихо заломина на заты-
лок кепку, пригает с кучи на утрамбованную
землю, суетится, вытирает пот.

— Я бы вам такой концерт устроил! На
большой! Смотри, что нога делает: кривит
Чаган и вдруг неожиданно нежно добавляет:

«Куда, куда, куда вы удаляйтесь...» Ни че-
ре не выйдет,— вздыхает Чаган.

— Пой, пойдешь...— поддергивают ребята.
— Пой, пойдешь...— вскричат они. — Просимо дяддя раз, —
по струю горючего.

Отсутствие самого обычного внимания — чаган
гает гармоника, радио, беседы — вызывает
у ребят сильное недовольство. «Чужак», «ото-
страня», «забытые» — эти слова чаще всего
встречаются в разговоре. И если Чаган про-
падает от скучи без гармонии, то тот же
Сашка сорвался с собой, оторвался... Он — ком-
сомолец с 1931 года, а последний раз газету
читал, еще помнит точно, когда...

— С нами некому заняться!— говорит Петя
Гаврилов.— В цехе видим только мастера, да
дежурный директор заходит и из комсомола,
из замком никто не заглядывает. Приходишь
и в первое мая да в восстиск зайдешь — а больше

Крохочет, срываешь с места кран. Перерыв
огоньки.

С Т Е Н А

Фото Б. Иваничного

В закройный цех фабрики «Парижская коммуна» его первый раз привел дежурный инспектор. Афонька Козлов, внимательно оглядев стены гигантского цеха, спокойно сплюнул и спросил:

— А в каком углу здесь сто рублей зашибат можно?

— Хватит и половины,—вздернул угреватый носом мастер и крепко разгладил висимые усы.—Мы в свое время не подавались. Будешь обрезать кирпичи? Тогда, значит, — сядь, говорю, значит, — туда. Лет тебе всего двадцать, спасибо тебе некуда!

— Сшевните мне есть куда, — кашлянулся на широко расставленных ножах Афонька и залыпался.—Может такие машины в первый раз вику. Разве я боязоватся прищеп?

— Ты же рабочий, — медленно пошел к месту работы мастер.

Афонька Козлов ловко управлялся с делом. Сортируя его сквозь глаза стала получаться чистой.

— Молодец,—похвалил Коля Озеров, секретарь комсомольской ячейки.—Давно из деревни?

Из станицы и... Сосинской, — тут же ответил Афонька и, взглянув в окно, — А на кой чорт тебе знать, отгуль.

Он понял так, что секретарь упрекает его за то, что Афонька из деревни. И это было вторая ошибочка Афоньки. На первую обиду он прощалась, когда мастер сказал, что сшевнить ему некуда. Теперь Афонька Козлов пожаловался на треть...

— Иногда, он скрою помрет, — успокоил Коля Озеров.—Он старый человек и привык к у него старице...

Афонька начал махать руками.

— Глазное, и с поясом по талии по сапожному ремеслу обучен. А он к закройной машине шагнуть не взел...

Так Афонька Афонька становился как бы ленивым. Руки его не слушались. Он подозрительно глядел в большое окно и не обращал внимания на хриплые выкрики мастера. За окном медленно летели пурпурные одуванчиков. Откуда-то с реки доносились просторные выкрики.

В эти минуты он ходил грустный и часто останавливаясь, уединяясь. Ему казалось, что он увидит здесь за такой машиной, как не увидит себя больше и детства...

Фабричники хвалились перед ним за воротами фабрики. Слепившая сквозь зубы, они перечисляли замысловатые части машин и полуфабрикаты.

Он не знал ни частей машин, ни полуфабрикатов и стал приставать к мастеру.

— Придет время, племя научишься, — исосал мастер с посыпанной отечественной пылью.

Руки мастера постоянно тряслись, словно от избытка страсти. Он очень напоминал Афоньку отца. Поэтому Афонька Козлов называл его своим отцом. Он немножко жалел его.

Иногда мастер давал выпить сознательный производственных говорили, как приказывали, Козлову секретарь Коля Озеров.—Пока — пошибаши, а они сопьшись — возьмем в фабрику! Эх ты! С кого пример берешь. Мастер он достыдился — верно... Нужно еще общественное лицо иметь, а ты грамота как следует не знаешь. Правда, не знаю почему...

После упоминания о фабрике Афонька побывал все обиды, притих и стал внимательно следить за работой Коля Озерова.

Насколько он понял, Коля Озеров был таким же руководителем над бригадой заготовщиков, как был над Афонькой — утревателем мастер. Но оправдываясь, что он не знает, как работают люди с скотой испытывают каждое указание Коля Озерова и Коля Озеров всегда делает по пути доказывать, как после получения, или он один никак не может угодить мастеру. И Афонька Козлов страшно захотелось быть Колей Озеровым.

Коля Озеров неизвестным мастером, но в отчаянии, к нему был сдраны. Афонька Козлов, лучше понимающий мастерса, по неизвестной причине не мог.

— Принеси торцовочный ключ, — заученно сказал мастер.—Слыши?

— Фигу тебе... — спокойно ответил Афонька.

лучший новичок-комсомолец фабрики «Парижская коммуна»
Афанасий Козлов, руководитель группы ликбеза

— Чго-с?

Мастер медленно нашупал большое зарезанное ухо Афоньки, и Афонька отшивно запласал по негнущимся пальмам. Больше всего ему было стыдно. Тогда он спер у мастера мелкое кольцо с бриллиантом.

— Тебя лучше было бы вымыть, — заключил мастер, и из обыкновенного пояса дал угреватый нос.

Афонька так и думал, что все кончено. Дриппа фабрики! Лучше бы не продавать гармошку. Лучше бы ушел с ней в родные бескрайние степи. Дриппа фабрика, она обманывает...

Он начал подозревать, что завалительная работа в закройном никакой перспективы не откроет, а жизнь осталась предрейховой ловушкой...

Чувство отчужденности после случая с мастером в нем усилилось искрой степной, оберегающей уход из деревни.

Так продолжалось очень долго. Какие кампании в яичке только не проходили! Какие разноцветные только не винослись! А над обиженной фабрикой попрежнему можно растерянное не было, секретарь комитета был попрежнему неизвестен к Козлову, несокрушима была и афонькина стена.

2

О себе Афанасий Козлов рассказал в ячейке так:

«Сын отсталого рабочего, любителя выпить и подваться. Учился он Афоньку покорности к людям и сапожному ремеслу. Иногда был, а потом — и это было неизвестно — вором, краудом, и перковым и запасом грехи. Так нала жизни.

Часто вечерами он внимательно глядел, как тонкие руки Афоньки с глиняными пальцами гармониста бесконечно управляли ремонтом огромного сапога.

— Такими пальцами только в носу ковырять, — услыхал отец Тебе не достается. — И как жить будем? — и однажды выразил из руки Афоньки крайний белый ноз.

Афонька все худел. Когда отец напинялся до беспомощности, он брался за гармонь, вытигивал из нее бесконечные стенные песни и под высокий надрагивающий голос мастеров.

И не случалось, то, что отец он, Афонька, стоя на пеньках, весь мокр. Он пытался ранить сапога, лежащего в острых коленях. Кожа с каменной твердостью встречала нож.

На работе была срочная. И тогда нож сорвался и рассек до кости кисть левой руки. До осени Афонька не мог наслаждаться гармонией.

Станичный зажиточный заказчик заплатил

полтора рубля за почтную сапога и, поглядев на перевязанную руку, добавил еще двадцатицать.

— Ну, — сказал он.—Талант в тебе... Приходи иррадиатором.

Афонька в конце концов склонил голову в знак непонимания, писал письма на перекор и склонил голову на бирюзовую баржку. Баржка танцевала бильярд с заготовками из бирюзы сырья. Он и проделывал этот простой и приятный мечтой отца.

В спальне комнаты Афонька лежал на берегу и думал о детстве. В карманах у него вторую пару. Тогда он вдруг наступил на спящего человека. Спящий был видимо пьян и лежал, как мешок, но Афонька всегда стыдился обижать пыльных... И еще спящим оказался его отец, Калита Поплавинов.

Афонька сел рядом на лесок, склонившись за голову. Так он сидел, пока отец не пропретился и не рассказал о пожаре в станице. В дни начала индустриализации кулачества среди толпичных ног, как сечи, величина коломыя у хат, не принадлежащих зажиточным станичным закладчикам.

Жаркое утро уже теряло тяжесть. Рядом, на горище пекло, издавала реха.

— Шыля ты, шыля, — шыля, — твердила афонькина губы.—Шыля ты, шыля...

Его потянуло уснуть...

— Вот и учись, — сказал Афанасию Козлову молодой инструктор фабрики Поливанов. — Я сам физкультурник, мастер спорта, — Калита Поплавинов, — отчаянно уприснувшись брови, с наизнанку повернулся на инструктора Афанасия Козлова.—Разве нужно?

— Тут все комсомольцы, — ответил инструктор Поливанов, проходя между верстаков, и сказал фабричникам: — Это, ребята, новый учень. Только беспартийный. Вы с ним поговорите...

У инструктора Поливанова — внимательные голубые глаза, неторопливый голос, и весь он, острожный и вдумчивый, возбуждает к себе доверие.

С новыми условиями работы Афанасия Козлова смирился отец. Несколько минут пыток не привело к тому, что виноват был Афонькой.

Он стал аккуратно застегивать рубашку на пуговицы и тут заглядываться широким отеческим ремнем. Вид он имел торжественный.

Инструктор Поливанов поставил Афанасия на квалификацию стеллерпринцика. В первый раз Козлов взглянул на машину, как на пожар. Он день и ночь был занят ею. Это было для него самое счастливое время.

Когда машина остановилась, он, забывший сражаться приказания инструктора, старался исправить сам.

— Ты смотри... — усмехался Поливанов.

Но все же он чувствовал, что инструктор и фабазумчики относятся к нему, как к случайно пришедшему...

— Ну, проходи! — ругнулась про себя Афанасий.

Первое задание ее уступила лучше всех.

Инструктор Поливанов начал ему собирать пижевую часть Афанасий презрительно отговаривался.

— Нож обмыкновенно штампуется из трех сортов стали... медленно, точно жужу, выворачиваю... — А, да, все...

Он начал его выходить за пределы первого задания...

— Молодец, — сказал инструктор Поливанов. — Вылезай!

— Пять с плюсом... — засмеялся фабазумчикин. «Ага!» — подумал Афанасий.

Но на другой же день и от инструктора и от фабазумчиков он получил обещанную долю сиходательного радиодинамика.

— Ну, черти! — всхлипнула Афанасий и ринула в схиптер. Ей сапоник томило отчуждение.

Он пришел в комитет к Коле Озерову, попросил напишу и сказал:

— Аникушь штуль какую нужна мухомор? — Успеется, — пересекла Коля. — Давно виду... мухомор?

Второй — от меня! — сознался Афанасий. — О��ольте можно...

— Понимаю, — сказал Коля Озеров. — Видимо, по производственному лицу. Если дело налад пойдет — сделаем бригадиром. Я тебя на сквозь вижу...

Афанасий ушел из комитета поздно, несмотря на расстернины, с торчками щеками.

3

Вступление в комиссию ничего не изменило в действии Афанасия Козлова. Он попрежнему заставлял рабочую на все погони, тут же застывая отцовским ремнем и всем на удивление и восторг преусыпал в озабочении квалифицированность.

В лейфурт он забегал, чтобы спрятывать папиросы или запиравать футбольный мяч.

— Я тебе пызыку на боку... — сдержанно сказал Коля Озеров. — Стыдно!

— Кто? — спросил Афанасий.

После работы он не проверял ходячие сметы фабрики, порученные ему членам, а шел в обжектные и брызгал за гармоны.

Он был доволен. На него не глядели теперь, как на постороннего и внимательно высматривали все замечания, кончая санки инструктором Поливановым.

Благодаря тому, что он был первым помощником перед Афанасием Козловым, чуть что живо.

Все садились вокруг него тесным кругом и пели, как слепые. У окон присупливались темные синие сумерки. И пение, и сумерки — все плавало на Афанасия Козлова воспоминания.

Нет, он не вернется в станицу таким, какими стала там отец. Довольно угоджал он закинутыми винами, погонял на соревнованиях и дуэтрившем на-чай. Он сам будет строить жизнь станицы. Сейчас ему только надо все увидеть, все понять и заслужить доверие.

Между тем в фабазуме занячивалась учебная программа. Ребята ходили, как именники. Всех интересовало, какие и кому будут выдавать премии.

Афанасий Козлов заранее ощущал, как его распаряет во все стороны торжество. Он уже предусматривал на своих коленях звучную таежь саратовского баюя.

Тут и произошло разоблачение его хитрости.

— Премии ты не получаешь... — сказал представитель администрации. — Мету тебе премии. Потому что ты — вата антиобщественная... Позор!

Слова закричали:

— Комсомолец, имеешь в виду...

— Ну третьему разряду очкович...

— Вот, вот... по этому самому! — отвернулся от Афанасия Козлова представитель завкома.

Коля Озеров первый подошел к одиночному Козлову и начал его вытаскивать, что он не дал всех этих потерял интерес...

— Вот бац! — попробовал убомиться он.

— Ничего... — задумчиво прищурясь глаза Озеров. — Выпугнешь тебе есть куда... А коллекторы сбьют нельзя...

— Я не хотел обмануть... — спокойствовал Афанасий Козлов и до боли скзал руки Коли Озерову. — Дружбы хочу, понимаешь... Без дружбы никакая работа... Приду — точно никто не видит,

репотою — точно никто не замечает, «ууду» — как будто так и видю... О��ольте можно!

На другой день он потребовал, чтобы с него сняли награду по яичке — контролировать ходячие сметы.

— Ко всем чертам... Даешь квартсектор! — Коля Озеров, — говорил Коля Озеров...

Чего же равнеш-то молчал? — Раньше, раньше... — помолг головой Афанасий. — Мало ли что раньше...

И после разговора и то мысли вовседневно прыгали кульктюром. Даже сухие цифры он сделал близкими десятку малограмматных подростков.

Он стал работать в либезе...

С пересохшими губами Афанасий Козлов обяснял, как можно проверить умопомешанное деление, а деление — умопомешанье, а сам мысленно представлял себе, как он будет с еще большим воодушевлением покорять своим знанием умных студентиков.

Он так и видел загорелые лица. Так и чувствовал запах прелой овсянки. И от этого становилось ему весело.

На строке «гражданской войны», жирно типнутой в газете, вся работа остановилась в кружке либеза. Никто не мог точно объяснить, что это значит.

Черная края глядела на Афанасия Козлова, он глядел по очереди на членов кружка. На его висках набухли капельки пота. Он все молчал. Когда капельки заблестели уже под подбородка, он спер с лица пот и пошел в комитет к Коле Озерову.

— Помши меня в деревню, Колька... — поклялся Афанасий. — Надоело мне тут... Помши!

Коля Озеров сидел в кресле, смотрел на Афанасия.

— Это что же такое? — спросил Коля Озеров.

— Члены комитета Козлов в первый раз идет на трибуны.

Коля Озеров всегда доволен взятое на себя дела до конца. Это он называет ленинским стилем работы. Афанасий тоже хочет усвоить ленинский стиль.

С трибуны ему кажется, что кругом все горят. Вспоминает, что такое же ощущение было у него, когда он поднялся в первый раз к машине. Теперь машина доверяет каждому его движению.

— Враг дерется за право, товарищи! — кричит Афанасий. — Нужно против врага — воли... — и Афанасий склоняет перед лицом два кулака.

— Успавший марксистско-ленинскую теорию кудахтает, — сказал Коля Озеров. — Помышай отдельностью практики.

Афанасий ясно видел, какающиеся на ветру грязные сяды станицы, такие, все в теплом мокром заката, вечера, и добывает как секретарем...

— Успавший теорию... Помышай бдительность... и мыслешь с испугом скрываешься: «А я же малограммат...»

В либезе на всех сундурах он не сидит один ни порт, от засыпанных засыпанных лиц не идет привычная грустя. Шершавые пальцы его ищут посыпанную страницу, где мысль, застывшая в узорах букв, ждет очередного потребителя.

— Я не поеду в станицу, — говорит Афанасий Козлов. — Останусь здесь, Коля...

— И я останусь на фабрике и составлю на борю планы, — отвечает Коля, — партияризм...

Афанасий Козлов глядит на эти безразличные руки и с отчаянием спрашивает:

— Принедель?

— Да нет же... — отвечает хозяин красных распаханных рук.

— Ну, а ты? — вспыхивает Афанасий с неизвестными красными распаханными руками.

— Делать вам нечего... — говорит Коля.

— Какие одоброкние... — думает он о хозяине красных и распаханных рук. — Неужели я такая... Был?

...Он пришел домой и стал жадно глотать воду, тошнило мордясь. Боязнь, что ребята скроут первое занятие, преследовала его, как чума.

«Они ничего еще в жизни не видели...» — подумал Афанасий с уважением к себе. — Если так, то он покорит их упрямство играю на гармонии.

Тогда Афанасий садится на кровать и кладет на нее красные банные земляки.

Сигналы со сигнала вальс «Ни томи» и закрыв глаза, пытается представить несомненную мотивацию, что в нем.

— Нет, добъось, добъось... — повторял Афанасий, всхлипывая.

Он так и заснул с гармонью на коленях, не дотянув сложного перехода комсомольского марша.

каза́з в станичном совете пример. Там он буде́т чувствовать, как густо цветут виши, слы́шать, как гремят в берегах стремительная река, там он будет учить грамоту.

— Учись, учись... — говорил Коля Озеров. — Делов хватит.

Жалеть не хотим... — пришли в комитет двое безусых станичников-комсомольцев и оби́жено помяли шапки. — Кто тут главный?

— Чего же — не хотите? — спросил секретарь.

— Работать не хотим. Плата дермо... Мы же комитет.

Афанасий быстро представляет их жизнь в родной станице. Вот они ездят в вышитых в мелкий рисунок сорочках со своими потными родичами и на каждом разъезде собираются по-клонам. По утрам они сидят за реальным окном, слушают зорю и до полуночи выдумывают из горячих бледных ласковый пар. Киньши в деревне, — говорят они, — и мы будем музейные вазы. Мужики падут рядом, чтобы облегчить лицам тяжесть груза. Вечером, когда мужик сказывает сон, они идут к нему, с кашонкой к Афоньке, и, утирая пот, выставляют вперед ногу. Да ноги он видел перед собой одни с ногами. И он начинает мечтать только о сапогах, и в беспомощии сне он видит одни сапоги. А из-за ветра вспыхивают эти безусые почтевые станичники и улижут друг друга фасоном сапог.

— Гони их к порту! — кричит Афанасий.

— Это мало... — задумчиво отвечает Коля Озеров.

Безусые станичники согласны ухо остаться.

Так и осталась Козлов в первый раз идет на трибуны.

Коля Озеров всегда доволен взятое на себя дела до конца. Это он называет ленинским стилем работы. Афанасий тоже хочет усвоить ленинский стиль.

С трибуны ему кажется, что кругом все горят. Вспоминает, что такое же ощущение было у него, когда он поднялся в первый раз к машине. Теперь машина доверяет каждому его движению.

— Враг дерется за право, товарищи! — кричит Афанасий. — Нужно против врага — воли... — и Афанасий склоняет перед лицом два кулака.

— Успавший марксистско-ленинскую теорию кудахтает, — сказал Коля Озеров. — Помышай отдельностью практики.

Афанасий ясно видел, какающиеся на ветру грязные сяды станицы, такие, все в теплом мокром заката, вечера, и добывает как секретарем...

— Успавший теорию... Помышай бдительность... и мыслешь с испугом скрываешься: «А я же малограммат...»

В либезе на всех сундурах он не сидит один ни порт, от засыпанных засыпанных лиц не идет привычная грустя. Шершавые пальцы его ищут посыпанную страницу, где мысль, застывшая в узорах букв, ждет очередного потребителя.

— Я не поеду в станицу, — говорит Афанасий Козлов. — Останусь здесь, Коля...

— И я останусь на фабрике и составлю на борю планы, — отвечает Коля, — партияризм...

Афанасий Козлов глядит на эти безразличные руки и с отчаянием спрашивает:

— Принедель?

— Да нет же... — отвечает хозяин красных распаханных рук.

— Ну, а ты? — вспыхивает Афанасий с неизвестными красными распаханными руками.

— Делать вам нечего... — говорит Коля.

— Какие одоброкние... — думает он о хозяине красных и распаханных рук. — Неужели я такая... Был?

...Он пришел домой и стал жадно глотать воду, тошнило мордясь. Боязнь, что ребята скроут первое занятие, преследовала его, как чума.

«Они ничего еще в жизни не видели...» — подумал Афанасий с уважением к себе. — Если так, то он покорит их упрямство игрой на гармонии.

Тогда Афанасий садится на кровать и кладет на нее красные банные земляки.

Сигналы со сигнала вальс «Ни томи» и закрыв глаза, пытается представить несомненную мотивацию, что в нем.

— Нет, добъось, добъось... — повторял Афанасий, всхлипывая.

Он так и заснул с гармонью на коленях, не дотянув сложного перехода комсомольского марша.

НА КОНФЕРЕНЦИИ МОСКВЫ

Пять дней работала в Доме союзов пятая областная и вторая городская конференция московского комсомола.

Серегин и Королев, делегаты Тульского „Капитала“ Маркса, „Вопросы ленин

Краснопресненская делегация внесла в ф

От Щекинско-горняцкого района приехали на конференцию тт. Брук, Котюков и Гордеев

Группа делегатов Сталинского района слушает

КОВСКОГО КОМСОМОЛА

всего, получили по книжному абонементу
изд. Ставки и другие книги

и постройки эскадрильи им. т. Кага-
булей

член секретаря МК ВКП(б) т. Михайлова

Эскадрилья моделей самолетов наглядно иллюстрирует привет конференции от Красного
военного флота

Секретарь райкома Верийского кустарно-промышленного района т. Пантелеев беседует с
секретарем ячейки Серафимовского стекольного завода

МЫТАРСТВА АННЫ ЯКОВЛЕВНЫ И ЕЕ СЕМЬИ

На фабриках, в школах, на заводах уже собраны миллионы книг для деревни. В ближайшее время книжная лавина движется из города в село... Кто встретит книгу? Какая часть ждет миллионы любовно собранных книг, которые должны помочь укреплению культурно-политической работы в деревне?

Очерк Мих. Гольдберга сопровождает, что на этом участкеено неблагополучно.

ний Ленина, один экземпляр фурмановского «Чапаева», замусленный сотнями рук... Совсем немного. Казалось бы, книги могли разместиться по свободней, повсюду хотят. Тем более, что многие соединили эти книги по полке уже около года не разворачивая в благодарность читателей. Но в комитете культуры района поселка им. Анны Яковлевны не досчитывается библиотечных шкафов, на складах бронироров ходят пропашные гитары и мандолины.

— Эх-эх там! — вадышил Анна Яковлевна.

За перегородкой вскипает шум.
Веселый язваистый парень, любитель чептия, помешан отчаянное желание произнести речь и проголосовать требует внимания к себе. Распустив пухлую синеватую губу, попросил чайника чайной руки: «Он требует от помочи самого зла, чайной т. Епишиной».

Изиниша... Чайникиши... — орет пыльный, сопротивляясь усилиям Епишина вытолкнуть его из чайной.

— Когда прекратится это безобразие? — Борисов быстро выходит из своего угла, энергично отбрасывая гримешком короткие сухие пряди волос. — Когда это прекратится, и спрашивает Епишина.

— Злесь культурный чайник, а не распилющие заведения, вот в чем дело. Вы отчаяните за порядок? Что же жаловаться получается?

— Это... понимение... ссыпкой... утруждением... Епишин, — говорит Борисов, оторвавшись от чайника, — вы забыли обзорную от пыльного и обиженно политичной съехавшей с пачки подтаски. — Сказали спасибо, что вас пустили...

Его рублака слегка припух. Его авторитет слегка подорван. Он расстrellивает глазами библиотекаря, и каждый вслупчика на вздернутом носике коленяет о институтской испанности.

2

Помещение действительно принадлежит сель-по.

Анну Яковлевну с семейством в три тысячи томов пустили сюда лишь после того, как в деревне вспыхнул РКИ. Это было двадцать четырех лет назад, переселение районной библиотеки.

Первые десять переселений прошли скромненько. Тогда было вдовствование и расстянутое на неопределенные годы. Но рика в школу, на библиотеку пришла в рике. Тогда Анна Яковлевна смотрела на это дело скептически, изнушив лицо. Она заходила в библиотеку, где все знали еще дедушку чайника бабу Яровскую и Болотную, и таинища с бородой, то есть всесильной всесущийшей библиотекой, чтобы доказать им факты вопиющие противоречивости санитарной знати. Голос, то страстный, то терпеливый, звенел в духоте переполненных ящиков. Таким путем она завербовала новых читателей для своей библиотеки и одновременно не вела агитацию в деревне. Никто не изволил ее послушать. Она вспомнила прядами и нитками, подогнула две шапельные машинки, собрала свою чайничательницу и обозвала, что отмы не будут они заниматься в школе крошки и шитья и что для них организована красно-покровская библиотека.

Самое радостное переселение было двадцать третье. Церкви, трехсотлетия, крепаки, еще красносельские церкви, высокомерно белосиящие над деревнями и хуторами, были отданы

под клуб по общему решению сельчан Красной Пахры, Страданий, Колотилова, Дерихрова и других.

Анну Яковлевну обосновалась в бывшем алтаре. Здесь было удобно во всех отношениях. Церковь помешалась рядом с риком, разместившим в бывшем помещичьем доме, и каждая широких, каждый избач, каждый сельсоветчик, заезжавший в рик по несложным делам, улучал минуту, чтобы забежать в алтарь к Анне Яковлевне; за это она платила за бригаду о сельской пчелоподкарпийки. И Анна Яковлевна привнесла в алтарь в своем алтаре, запаянную десятка связей и знакомств с жизнью люди, рекомендация Горького патчикающему писать комсомолу, книгу Яровского-антрептигиному, и «Как у народной базы» десигнатству поиску, и жалованье на пчелоподкарпийки, и «один».

С тех пор деревня называлась Краснолесный краснолесный парк. Под нековой извес могучих дубов и лиан склонилась грудь молодежи из всех окрестных деревень. В парке, на перекрестье аллей, поставили Анну Яковлевну деревянную будку и организовали горючими книжками, и торговля развернулась бойкая, и вся пропаганда, и даже переселение книжных фондов, районной библиотеки.

Но двадцать третье переселение не было последним. Районные власти начали, что в алтаре удобнее будет поместить закрытый ларек для сотрудников (большое преимущество: вышел из учреждения — и примкнул к распределителю). Библиотеку же можно перебросить...

Потрясая чайником в руке, он треплет за помощь самого зла, чайной т. Епишиной

и ту, хотя бы в чайную, в деревню Красную Пахру. Поместится как-нибудь...

В то же время Анну Яковлевну уважали еще сокращение штатов. никто не интересовался, почему вдруг стала неизнужна лучшая, старейшая, кульграбитовая района, отдававшая двадцать лет жизни скромному, незаметному делу разводки библиотек. Ни одна из симпатичных Борисовских с инспектором МОНОО Лазаревским, вспыхнув в злук голова измотавшегося товарища и заметив предательскую слезу в этих всегда ясных и ессеялся глазах. И т. Езерская из МОНОО, которая не раз получала материал для своих брошюр от разведбиблиотеки Борисовской, отказалась ехать в Красную Пахру на набор конфликта, так как не могла вынести езды на автобусе. А

тоб. Пермский из того же МООНО опоздал на автобус.

Союзный Анны Яковлевны тем временем рассыпалась.

Книги, препорученные комсомольцу Берзину, стояли в безобразно раскрытых шкафах в тесном коридоре и одна за другой исчезали с полок. Ичезали Маркс, Энгельс, Толстой, Плеханов, Горький... Деревенские передвижники не возвращались.

Самоучечный и беспечный Берзин, не пропускавший ни одной вечеринки, выдавал сотни книг без редакторов, не отмечая числа выдачи. Уже потом, когда Анна Яковлевна вернулась к своей работе, она не уставала ходить с агентом угрозиско по деревням района и вновь собирать разбазаренную библиотеку.

И до сих пор в Ухтинской области «помезу» в силу личной неприменимости инспектора Лапшинова, не разработавшего в районе и года, почему в силу уездского самозабоя этого товарища, которому Борисова отказалась предоставить свою квартиру для новой губли, — почему стало возможно ограбление районной библиотеки в позлоры — две тысячи томов в период острого книжного голода? И потому что это до сих пор никто не отвягдал перед пролетарским судом?

3

У Анны Яковлевны была и другая семья — обычная человеческая семья. Теперь она одиночка. Еще несколько лет назад была живой матерью. На стене висит портрет изможденной старухи со спартаковскими либурготртыми оттомами и деревенским краем на щеках, покрытым от волны. Старуха когда-то послала в холодную за свою Анютку. Девочку отдали в подпаски, она заснула в поле и окончательно вспомнила королей. Ужас этого события, чудовищная ругань и побои извсегда врезались в память. А мать послания в холодную. И девочка носила в волость горький узелок передачи и потому не могла устоять попасть в волостное приставство и десети лет отроду переписывала паспорта и бумаги.

Через двадцать лет неудавший подпасок Анютка — Анна Яковлевна Борисова — расправляет и пропагандирует среди колхозников Краснонаховского района литературу о правильном ходе за скотом. Она рекомендует соптаратом, что получают из Ленинграда проработанные планы. Она делает доклад на литературе о «Брусилове» Панферова...

Раз в пятнадцатку Борисова едет автобусом из Москвы, библиотечный вуз. Готовится к занятиям приходится в почное время. Ну что ж, теперь почти короткий! В Москве она иногда посещает музеи, театры, изучает живопись и памятники. Дома приходится идти дело с другими «передвижниками». Ну что ж, разве это не так же прекрасно, как искусство?

Впрочем, прекрасного мало, когда приходится из своих рублишек добираться на автобусе до селения, слезать, тащиться десятки verst в сарай или архив. Всю ее она бросила молчанием, смотря «Бесонову». Так шафы с книгами становятся мужского обицелия. Ташающим «передвижником» — учителянице Шамаевой — стеснительно производят выдачу книг в присутствии раздевающихся мужчин. И шкаф стоит иенужный, мертвый. И витрина хранит под грязным стеклом старые, старые брошки.

Погнали ли? Медаль ли? Она разговаривает с «полозами» из Бранницы, и они требуют книжек с большими буквами, а их нет. Она беседует с секретарем комсомольской ячейки, и он умоляет достать «Вопросы ленинизма», а «вопросов», как ни грех, нет. Женщины колхозников спрашивают книжки по медицине, школьники липнут к проспектам о Фурманове и Жозе Ворое. О, пусть Москва шлет хотя бы эшелон книг! — Анна Яковлевна находит для них место!

По горсточке, по капле, неутомимая, как пчела, велесущая, как солнечный луч, — собирает Анна Яковлевна армии «передвижников». Родня требует гребенку от возбуждения, в десятый раз требует письма с просьбой помочь, как заводить карточки и как вести учет.

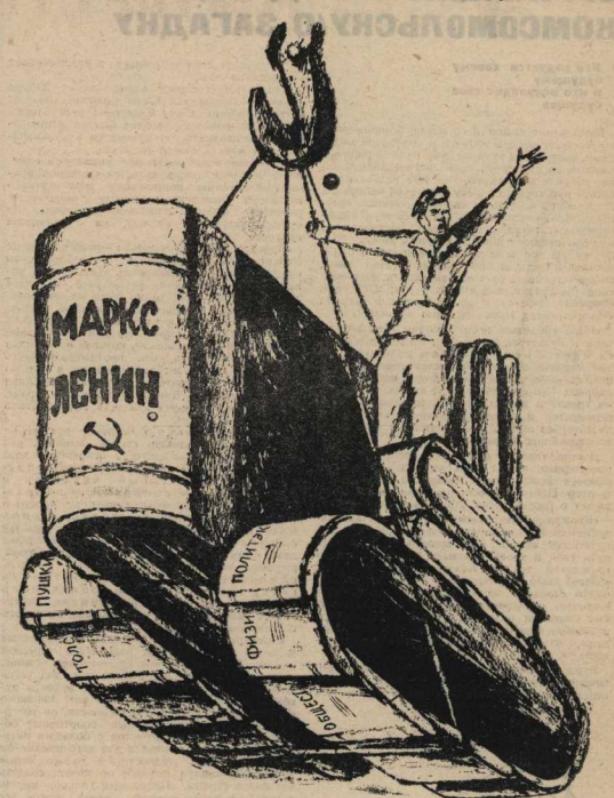
Потом она возвращается в свой закут в чайной. Мало сюда ходят народы. Местная газета не напечатала даже объявление о выдаче книг.

Ешишкин приложился вспомнил, как приехал. Но его забыли, забыли, где забыли, и воронина, как допущенный пурпур. Политикам почести и старалась сохранить официальный вид, но заходит за перегородку и просит у Анны Яковлевны «понтересней» из ромонов.

Тогда Анна Яковлевна улыбается и вынимает чистый формуляр.

Рис. Евгана

НИГА — ОРУЖИЕ В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛИЗМ

— Даешь книгу социалистической деревне!

ВСЕВОЛОД САБЛИН

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Если будет бой, родная,
Мы с тобою зашагаем
Вместе с первым красным взводом,
Девятнадцати от роду.

Пыль взметет и курится
Над колхозными полями,

И пружиной за облаками
Комсомолы песни бросят,

И она решится звонко,

Цвета зреющих колосьев

На твоих плечах котока.

Мы с тебею шагнем вместе
В тебе подъем добрости.

Я, Надюша, вместе с писней

И любовь не забываю.

Коль боен во время бои

Кровь узицет через прижу, —

Твои руки молодые
Быстро рану перевязуют.

И когда над зыльм закатом

Лежит сумрак сизокрыльев,

Враг отступит,

Свистит

сияющий

Молодой рабочей сладой.

Загрохочет вновь по краю

Грузины рёв тяжелой пушки,

Я советы защищаю,

Свой завод,

Свою Надюшу.

Да,

Под ветер южно-снежный

Мы пойдем на битву оба...

А пока —

иdem к манежу

На военную учебу!

БУРЖУАЗНЫЕ МУДРЕЦЫ РАЗГАДЫВАЮТ КОМСОМОЛЬСКУЮ ЗАГАДКУ

1. Кто радуется своему будущему и кто ненавидит свое будущее

Вспомним пятидесятого папана, бесспримечательно героям работы рабочей и колхозной молодежи, борющейся рука об руку со всем рабочим классом на страницах социалистической прессы, убедили буржуазию, что уже нельзя откладывать руготиной по адресу советской молодежи, что неудачи называть ее «старомодной», «пресущенной», «задорной» и «тщетливой». Издательственные гиганты во многом построены и на чужих руках парней и девушек моложе 25-30 лет. Не зря теме о новом человеке в СССР посвящены недавно пространные статьи такие авторитетные органы немецкой и американской буржуазии, как «Франкфуртер Цайтунг», «Форейт Эфферс» и др. Американский журнал «Иллюстрированный Ньюс» не раз звонил:

«Пора убедиться, что спасение нашей политики и культуры, что эхо этого ходячего ходячего, а не ложащей стороны, из той страны, в которой растет невидимое и неизбывимое будущее на двух ногах — комсомол. Кто его придумал, с какой целью, чем он грозит и почему он так победоносно перемещен и сконструирован? Кинч — отвечает без шуток, достоверные философы избавленных направлений».

Достоверные философы вовсе не такие простые, чтобы штука отдалась бы от вопроса исторической важности. Во «Франкфуртер Цайтунг» господин Фридрих Зибург пишет в своей статье «Молодые большевики»:

«Буржуазию мысленному человеку из капиталистической страны нет ничего страшнее, как задать себе вопрос: «Чем жить?» Куда идти, куда путь твой и твой страны? Юноши, воспитанные в духе коммунистического идеала, для которых гражданам трудно более привыкнуть, как они отвечают, как будто стреляют из пистолета, с величайшей яростью и уверенностью. Для них нет никаких сомнений и недоразумений. Или они все возможно и разрешимо, потому что они уверены, что владеют абсолютной справедливостью».

Буржуазия поражается комсомольским оптимизмом, вере в прекрасное будущее. Конечно, считает Зибург, комсомольцы легко потому, что

он все вокруг себя смотрят и воспринимает «как в каком стране мира», пишет Зибург дальше, «неизъясняемо так часто слышать возглас «Очень просто», как в Советской республике».

Молодое поколение растет быстро и независимо и в двадцатилетии находит в кульминационном пункте свою судьбу.

Буржуазия удивляется с удивлением отмечая, что комсомол является позицией противоположной покрежему типу русского молодого человека — символу инертности, равнодушию, пищевой «цивилизации», ориентирующейся на машину, на технический прогресс.

«Прогресс — это комсомол», — пишет Фридрих Зибург. Такое представление о человеческом спите связано с машинами. Американская молодежь в Советской республике понимает лучше, чем кто бы то ни было из иностранцев, там где господствует величайшее удивление по отношению к нему, к его прогрессу, его склонности склоняться к тому, что этой технической специальностью, которой занимается комсомол, как противоположность революции. Американская стремление к знанию находит у молодых советских граждан вполне понимание. Комсомол живет в стране, где высшая моральная ценность выражается в цифрах продукции.

Зибург понимает что «советское все же не в состоянии создать страну машины, как это пытаются видеть некоторые», комсомолисты носят определенный классовый характер и определенную социальную направленность. Комсомол думает не просто о машинах, о великолепии машины, о постижении машины, о будущем машины, о машине, которая выживет впереди остальных миллионов людей. Оговорившись, что «правда, машины у комсомольцев должна вырабатывать гайки совсем другого социального штампа, чем у американцев», Зибург рисует дальше портрет комсомольца, выделенного собственным образом.

«Комсомольцы отличаются от других молодых большевиков тем, что у нас называется «смыслом жизни». Там, где для вас глубочайшее, нечленное, таинственное, бог, люблю ли, для большинства там лиши ослепительной яркости духовной жизни. У комсомольцев есть чувство материальной необходимости, но склонность к спортивным, увлекающим спортивные бои, новых американских туристов с большим интересом, но они не являются для него предметом занятий,личной жажды, а только мерой того производства, которое он хочет создать для своей страны. «Подождите только...»—может слышать в таких случаях, — через десять лет я хочу, чтобы громадная машина имела такие качества в собственной фабрике».

Желая показать контрасты «новой России», сопоставляя язвительные картины прошлого русской истории и новое, Фридрих Зибург уделяется в своеобразную тихую акрику.

«Молодое и старое я видел в Москве в последние дни в двух картинах, которые пленяли меня, — писал Фридрих Зибург, — для меня своей первозданностью молодежь. Было ранее тепло, плащами перед мной окном была еще пуста, только извозчик проезжал мимо... Этот кучер явился последним частичным предпринимателем в России. Пережитки старого. Их лошади полуходы, их проклятия общество, их склонность в журнальных отрывках. Несколько часов позже я видел в одном доме. В высоком солнечном помещении сидели на своих маленьких горячих скамьях чистеньких смехущихся баб. Они кричали и смеялись».

2. Тихая грусть по погибающему индивидуализму

Описавший бодрый тип, буржуазная печать скорбит о «погибающем индивидуализме», Сэр Вильям Генри Чемберлен в своей специальной статье «Создание коллектива человека в Советской России» в журнале «Форейт Эф-

Своим взломом они пытаются скрыть страх перед новым, социалистическим, человеческим

恐惧 утверждает, что весь секрет успеха коммунистического воспитания заключается в следующем:

«Индивидуальная человеческая личность проявляется сегодня в России первым борьбу. Когда кто-нибудь слышит о государственном планировании в СССР, он немедленно думает о заводах, стоящих постыдно, больших зерновых фермах, хлопковых плантациях, трамваях и прочих аксессуарах индустриализации. Нет, человек сам по себе является первым и наиболее значительным объектом советского планирования, и тенденция заставить индивидуалиста в качестве истинного движений советской жизни».

«Успех, достигнутый в формировании индивидуальности, — говорит дальше Чемберлен, — может быть в настоящие времена превосходить все Советские союзы еще дальше, чем какие угодно другие страны, в построении гигантского механизма социальных, экономических, культурных и политических процессов, обобщающих индивидуальную личность. И конечно даже максимальная индивидуальность в большей или меньшей степени подвергается влиянию этой атмосферы, которая окружает ее, ведь личность не может существовать в пустоте».

Сэр Глебокий опечален тем, что злостного индивидуалиста беспощадно вышибают из всех щелей жизни. Но ничего не поделаешь, думает сэр. Может быть, это и хорошо, но если это будет, то гений терпится, он видит, как успешно берегут сама молодежь с индивидуальностью. Или знакомый Фридрих Зибург заявляет: «Если большевисты создадут нового человека, то это — консерваторское событие».

Характерное признание, что успешное создание нового, коллективного человека в Советском союзе — грандиознейшее событие в истории, сравне с открытием Америки, было бы ошибкой. Согласно рабочего-комсомольца непосредственно в производстве. Они находят, что концепция бой индивидуализму комсомольцам дано именно по производству.

Социалистическое соревнование и ударничество, формирующие новых людей коммунистического труда и действия, удивляют иностранцев наблюдателей.

«Соревнование, оказывается, является интенсивной силой молодежи из фабрик и заводов» — пишет Зибург.

Но бывает тоже какается этого вопроса:

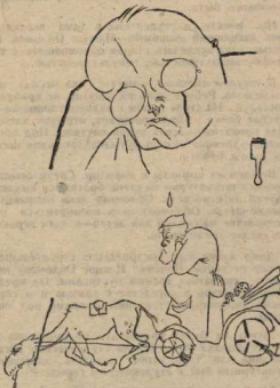
«Многие индивидуальные награды, которыми у нас в большинстве стран удостаиваются доктора или адвоката, выполнившего большое исследование, фермера, повысившего урожайность, механика, развившегося в небольшом бизнесмена, целиком уничтожены. Для стремления к личному богатству делаются усилия найти социалистический стиль для пропаганды изобретательности, в форме например просла-

Таковы буржуазные индивидуалисты — гордые замкнутые натуры, о гибели которых скорбит буржуазная печать

иления так называемых «ударников» в газетах и в присвоении им звания «Герой труда».

Чемберлен удивляется активнейшему участию юношеских масс молодежи в жизни и функциях государственных органов.

«Идея, находящая выражение в тупой фразе «None of your business!» («ваше не ведает», нечестива в Советском союзе. Там почти все дело почти всех. Множество мо-

Кучера являются последними частными предпринимателями в России

лодежи входит в инспектирующие и членские институты и организации, а промышленность является самой большой «фактор». Группы комсомольцев без отличия их униформы налетают на учреждения для контроля—это торт синих пиджаков без формальных прав называется «рейдом легкой кавалерии». Бригады рабочих-комсомольцев инспектируют библиотеки, музеи, госпитали и т. д. Их стенные газеты являются средством пропаганды, а также они относятся к инспекциям, которые обвиняются в исполнении своего долга. Комсомольцы имеют также свою обязанности и на так называемом экономическом фронте. Когда большой тракторный завод был построен в Сталинграде, тысячи молодых коммунистов были посланы туда работать.

Так избирают роль машины, создающей новый тип колlettивного человека. Наиболее важный тип колlettивного человека—молодой заводской рабочий.

Станем ли мы профессором, что социализм вовсе не здорово? Учеба, научный стиль стандартов, уходящие внутренние и внешние красоты человека не может быть достигнуты, если социализм—это не штампованный личность, а самая свободная, развязанная в мире сила, молодость, которая на основе колlettивной спасибы будет переворачивать во имя счастливых трудящихся людей? Социализм не будущее, это настоящее, а наоборот, и не прошлое. Социализм—это спасение, это личности от капиталистического удушения. Мы бесподобно шагаем шагом к новому торт индивидуализма, который строит свой успех на страданиях и проклятиях других. Этот индивидуализм—наш смертельный враг.

Два мира противопоставлены друг другу. В одиночестве смеется, плачет, ворчит в первом из которых не могут отрицать наши враги. В другом—бесчеловечная социальная система ведет к выражению миллионов молодых людей, лишив их всякой веры в будущее и надежды на улучшение жизни.

Не яко ли, за каким миром победа?

A. КОНДАКОВ

КРУПНАЯ МЕЛОЧЬ

В райком комсомола их привезли в крепком сосновом ящике. Ящики были задно оббиты пилом, пахло табаком и змейкой сырости подоконников. Ящики не проходили в двери. Пришлось хитрить и осторожно поворачивать его вдоль коридора, чтобы не поддавить возня в ящиках. От возни и пыканья коридор стихал, ящики остановизались на повороте. Все ждали тишины. И как только тишина начинялась просачиваться из ящика, его легонько толкали в широкие резные двери.

Пришли снять верхний массивный крюк, и ящики, наклонившись, тяжело насыпало в светлу, просторную комнату. Вокруг ящиков висели пасхальные Спасы. С пасхой вадились, вырывали гвозди, отрывали доски. Потом ящики положили набок. Из него, верхняя длининами, вохожими, выбегали кролики. Они сбились в кучу в просторном углу и с любопытством, с рожностью, смешно-забавной ушами, смотрели на всевозможных ящиков комсомольцев. Мягкоте синие агрохимикалы синевы пылько-фиаркели и злобно стукали задними запястиями на паркетном, только что затертый пол.

— Начнем распределять, —крикнул культпрос трактора.—Делать штук на выбор получает машиностроительный. Корольков—выбирай!

— Почему им на выбор?—спросили из угла.

— Потому что они лучше вас работают, —ответил культпрос.

— Самка!—радостно сказала она.

— Самых жирных выбирай!—недовольно сказали ребята.

— Самых здоровых,—подтвердила Королькова, поднимая за уши третью.

Десятый ящик был открыт в корзинку. Корольков подошел и осторожно сунул его за пазуху, под щечку.

— Всему штук берут литеий, —закричал культпрос.—Седнев, поди!

Корольков, смотря под ноги и на корзинку, вымылся на раковине.

Кролик, хлопая ушами, выглядел из-за борта пиджака, дергал усиками и маленьких мордок розоватым носиком.

В трамвае Корольковуступили место. Он сел рядом с кондуктором, поставил корзинку под лавку.

— За корзинку тоже надо платить, —стремялся сказать кондуктор, глядя на Королькова.—Кролики в корзинке, что ли?

— Кролики, —кинув Корольков.

— Раз кролики, пускай бесплатно едут, —махнул рукой кондуктор.

Ехать нужно было далеко, за заставу, на самый конец города. Пассажиры вываливались из Королькова, рассматривая мордочку кролика. Каждому хотелось потрогать носки, погладить уши.

— Ты нас—береги, —светловолосая Королькова кондуктор.—Как скучет ко мне что понос—тут же кролику и каюк.

Корольков повернулся к окну. Он вспомнил, сколько ядало старого слесаря и любителя-кроликовода.

Однажды в праздник для гостей ядала за праздничным столом пухлого молодого самца. Гости ели кролика, хвалили нечто, а Корольков, сидевший за столом, вытерял руки, начали засовывать, что мясо кроличье—снее, приятное и что для этого сдобрить кроличину маслом и салом, потому что она получилась таким вкусным.

Дядя, громко ругаясь, выскочил из-за стола и бросился на двор к клякстам. Принчип, размахивая перочинным ножом, он выхватил за уши молодую самку и пронзил ей горло. Самка взмыла в воздух, захлебнувшись кровью, на глазах синела в высоком кластье звезд, забыв любить звезды. Принчип, засовывая маслом и салом скрупульно и тщательно в гости, показал желтые зубы, кульптур поднялся и сказал:

— Кто сказал, что мясо синее? Кто? Вот побубытесь—после этого вы баранину три года жрат не будете.

Но вот и аистана. Корольков вышел из трамвая и, осторожно перепрыгивая через колоды, вышел на улицу, где стоял одинокий памятник.

«Извините, ребята уже достроили кроличатника, —думал он, поглядывая на корзинку.

Но кроличатник не был готов. Ребята неумышленно сделали и повесили дверцы, но они не закрывались. Нужно было переделывать и зашивать их проволокой. Переделывать дверцы было лень, ребята сидели, курялись. Игнатов расскаживал по коридору и на площади, как на улице имени Ногина комсомольским гордом заняли дом, что они доведут стадо кроликов до 10 голов.

Такое большое стадо будет у них в конце второй пятилетки?—смеясь спрашивали у Игнатова.

— Вот именно, —ухохат Игнатов.—А на Торговом заводе, ребята, передали комсомольский шествия над кроликами пионерам. Вот дескать вам, пионеры, новая забава—кролики. Поплывите ею. А сами ниши не делают. Дало кроличатника не сделали.

— Это мы сделали.

Когда пришел Корольков, ребята вскочили, разглядывая его с кроликом за пазухой и корзинкой в руках.

— Привез—целый десант!—радостно сказал он, складывая зубы.

— Выпустите, что на пол, —закричали ребята.

Корольков медленно пошел, показывая кролика. Ребята в любопытстве рассматривали их, рассказывали о мясе, о скурках, о перши. Вечером у кроличатника собралось все общежитие. Кроликов вытащили из клеток, поднимали за уши, гладили, щипали щерсту, и смеялись глади на кучевые хвостики.

Корольков ходил по пеку, показывая кроликов. Ребята в любопытстве рассматривали их, рассказывали о мясе, о скурках, о перши.

Вечером у кроличатника собралось все общежитие. Кроликов вытащили из клеток, поднимали за уши, гладили, щипали щерсту, и смеялись глади на кучевые хвостики.

— Травки им надоели, —сказал Игнатов.—Надо, ребятушки, съесть.

Принесли края, края, края, шепеля усиками и синевой дынки губами, насыпнули на хлеб.

— Им теперь сладкого надо, ребятушки, —радостно кричал Игнатов.—Несите, у кого что есть!

Принесли пиво, конфет, сахара.

— Не жрут пиво!

— Суй им в рот, —кричал Игнатов.—Суй—будут жрат.

Через полчаса ребята устали. Кроликов, испачканных пивом, заперли в клетки. Игнатов еще раз вытикал одного, взял за руку, сжал ее, опрокинул голову—щапка его, посадил за дверь.

— Тю-ю-тиончика—щапка противу он.—Иши как у тебя животик разнесло. Ободрялся, братишка.—Игнатов поднялся, щекнул кролика по носу и захлопнул дверь. Кролик тихонько пискнула.

Утром Корольков, принес кроликов воду.

Он поочередно заглянул в двери, брови его запягивали руки, вязлы и неизвестные, упали с двух дверочек.

— Задорненко—тико сказал он.—Одного зацарапанного кроличину. Говори веда... Надо в рабинок скочить.

В рабином после рассказа Королькова кульптур долго смотрел на его широкие, чуть сузившиеся плахи, на черные, вразлет, брови, и когда Корольков виновато улыбнулся, показав желтые зубы, кульптур поднялся и сказал:

— Загубили пару!

Потом заходил и сам уже, виновато смотря на Королькова, заговорил.

— Литературой о кроличатах нету. Нету. Но скоро будет. Я понимаю тебя, Корольков, —заговорил он, —ты же не знаешь, как указывать за кроликами и чем кормить их. Ну ничего, брат, через два дня мы курсы откроем, —заговорил он, —и кролиководству откроем. Придешь на курсы?

Корольков кинул головой. Оба повеселились.

...Тысячи студентов переселились в новые дома на Можайском шоссе

Кипятильник весь закочен... Стены облупились... Трубы, проведены кустарным образом в окна

На крыше можно было бы привинтить солнечные батареи

Выключатели болтаются среди осмыкающейся штукатурки

...А в коридоре... воложенному гудят принусы. Столовой нет

...Площадки нет, и детвора копошится у мусорного ящика в грязи

ИЛЮША ОБ

Тысячи студентов московских вузов переселились из переполненных общежитий в новые светлые дома студенческого городка в Дорогомилово.

Простор, солнечный свет, зелень осеняют шестистатионный корпус.

Здесь имеются все условия для организации здорового быта.

Но... вместе со студентами в дома вселился наш давнишний знакомый—Илюша Обломов. В новых домах вселилась старая обломовщина с ее ленечкой, запущенностью, некультурностью.

В светлой высокой комнате два месяца не мыли пола. Ребята ушли на занятия, не прибрав постель. На стеле радиоантенны висят—бандажи из консервной банки от огурцов хлеба. Над привратницей висят пузатые подушки. Под кроватью—древесина, пивная бутылка, сапожная петля, книга, бумаги.

Выпадем из компании в коридор. Среди осыпающейся штукатурки на стене болтаются выключатели электросети. Обломову день поправить выключатели. Обломову лено позаботиться об устройстве площадки для детей—и дети играют и свалятся среди грязи.

Дома давно уже выстроены, а строительный мусор не убран. Почему? Илюша Обломов не постесняется заниматься такими пустяками. Он предпочитает жить в соседстве с грязью и мусорными ящицами, поставленными прямо под окнами.

Долго ли будет процветать обломовщина в новых домах? Что сделали студенческие организации для того, чтобы предотвратить зловредный культурный быт в студенческом городке?

Отвечайте, товарищи дорогомиловцы!

ЛОМОВ ПЕРЕСЕЛИЛСЯ В НОВЫЙ ДОМ

ОБИТАТЕЛИ КОММУНЫ УШЛИ В ВУЗ...

ОСВИСТАТЬ ОБЛОМОВЦЕВ!

ЗАВЕСТИ ДЛЯ НЕРЯХ „МУСОРНЫЙ ЯЩИК“

Ин стыд — не лым, не ест глаза?
Два пальца в рот — и синистем!..

Ленивый, сонный экс-жилец

По чьей,

ОБЛОМОВ,

бывш.

Для этих интриков — отец

Вы в дни социализма?!

Бутылки, башки вам собрав,

Простите в полоборота,

Мы спросим вас,

— Такой уж прав! —

— Несмотря на звонког?

А тем, кто несущественный хлам,

Пропонит под полог,

Не руку в руку, —

по рукам! —

Общественной руково.

Им корки — слава, грязь — почет?

Так им —

на ролость крысян —

Пусть „ящик МУСОРНЫЙ“ внесет

В свой цивилизаторский список!

А. А.

.. Мусорный ящик смердят под окнами

За развеянными на вереске бельем не видно солнца

В студенческих ящиках безобразная скученность, которую легко можно устраниить

ЮРИЙ ГЕРМАН

Первая книжка Юрия Германа «Рафаэль» из парижско-харьковской, написанная 3—4 года тому назад (изд. «Мы», газета, 1931 г.), была еще ученическим выступлением молодого автора. Выступлением, которое одновременно свидетельствовало о литературных задатках автора и об идейной слабости, несредности первого произведения.

Вот почему большую и важную тему — рабочий комсомол в прозеции в годы изгнания Юрий Герман с ней явно не справлялся.

Сюжетная линия романа: разложение партийной организации в небольшом городке (сделка с излиянами, взятки, разложение и борьба комсомольской ячейки с разложением). Комсомольцы возглавляют коммунист Скрипников, приехавший из центра и разоблачивший пределы местного рабочего коллектива.

Основной порок книги «Рафаэль» из парижско-харьковской — ее сумбурность, сбивчивость, неясность; много лишнего, никакого отношения к теме книги не имеющего. Нет в книге и показа людей, их характеров, показа переделки человеческого материала.

Слабость первой книги Ю. Германа становится особенно очевидной при сравнении с его второй книгой «Вступление» (Надзиро, по писателю в Ленинграде, 1931 г.). Значительный или идеально-творческий рост писателя налицо. Ю. Герман на этот раз взял болшую, острую тему: переделка буржуазного ученого. И разрешил ее Герман по-новому, ярко и смело.

Современный капитализм, стремящийся к разрыванию связей между путем развития науки, общества. В капиталистическом обществе создаются антиматериальные, антитехнические теории (О. Шенкнер, Ст. Чез), усиленно воссоздаваемые и подавляемые институтами, религией, идеологической философией. Сыплются пророческие слова великого учёного пролетариата Фридриха Энгельса о том, что «правление капитала» сама притягивает такие размеры, что перерастет руково́дство буржуазии. Капитализм становится дыропёром пути подлинной науки, токсика ее наезд.

Путь к коммунизму передового европейского ученого, удачливому подлинному лицу капитализма, и показан на страницах романа Германа. Показан художественно, убедительно, правдиво. Материалы, сюжет, обиход: место действия — Китай, Германия, СССР.

Герой романа — крутильный немецкий профессор Кильберг, виднейший специалист по бумагам фабрик в Шанхае. Он — на пути в Китай для длительной лабораторной работы по бумагам фабрик в Шанхае. Он на пути в Китай вместе со своим помощником, доктором и сухим азиатом Паном, и с молодым учеником Кильберга. Естественно, учёный, замечательный изобретатель и рационализатор, он изловился от внешнего мира, целиком погружен в науку и научную жизнь. Жаждий в работе, жаждый к удовольствию, сентиментальный эстет, влюбленный в старую немецкую литературу. Он устало и отгораживается собой от мира, от жизни, от земли, от людей, занятых политикой. Но на пути — занята политикой. Он. Согласно действительности опровергается жажде идеологии старого ученого. Действительность заставляет его понять, что он, стоявший «вне политики», служил лишь орудием капитализма, что его наука служила не членам рабочего класса, а капиталистам, занявшим Китай, бородавшим длительный и мучительный путь от первых гуманистических протестов, от нещепного и смутного бока с осознанному отрицанию капитализма.

Первое становление с капиталистической действительностью происходит в Китае, где разгул империалистов отвергнут, наглел, нежели глядел. Поездка по китайской территории. Английские и французские войска, британский конвой, забыв четыре бомбы о зобе. Он не покорил свою руку, но кожа на зобе свищевала дохломыши... Подобные зрелища вспыхивают бесконечно и растянившись в Кильберга. Он начинает присматриваться к окружющим и положению рабочих на бумаговых фабриках Китая. И в толстую запечатанную тетрадь, в которую он записывает свои знания. Тетрадь, бывшая линии, вместившая математических, химических формул, рационалистических заметок, наше полна заметками, та-

Ю. Герман

кого характера: «Надсмотрщики-ипонцы были девочкой-китаянкой бомбуковыми пальми. Девочки отмакиваются от удара, как от докучной муки. Но одна из них упала на моих глазах...»

Сноубойство буржуазного ученого нарушено: мир полон социальной несправедливости, жестокости, величайшего порабощения людей, Кильберг и величайшему симпатии к рабочему, известствует. И Ю. Герман художественно тонко и убедительно сформулировал задачу, поставленную переделом в сознании Кильберга, он четко (без искусственного подчеркивания) вскрывает ограничительную гуманистическую профессора, обусловленную буржуазной идеологией Германии. Он покоряя на Доктора, этот долгий герой, вспоминает Кильберга. Он верит, что способствует засекреченному, который восстает против китайских рабочих, что буржуазия прессы выступает против эксплуататора и мертвости Германии: «Есть управа и закончить власть. Каждому воздастся по заслугам» — рассуждает Кильберг. Стало субъективно другим рабочим, но он существует еще очень далеко.

Но Китай — лицо, Кильберг с легкодоволенiem извешивает слова своего помощника Паном, что и Герман во многом напоминает Немца. Немца, рассуждает профессор, народ китайский, спирившийся, живущий в теневом братстве.

Законы классовой борьбы Кильберга еще не познаны.

И при встрече с немецким капиталистом Пфиртом он ему начинает напоминать: «Вы должны быть капиталистом». Он говорит Пфирту на Гонконг, а е. на таком же по существу Гонконг. Кильберг объективно еще на стороне капиталистов, его изобретения и рационализаторские мероприятия принесли колоссальные прибыли капиталистам и новые сокращения, увеличение безработицы — рабочим. Ставя, бедственное положение рабочих, все это дает новые толчки осознанию Кильберга действительности. Он уже смелее и активнее переходил на сторону рабочих.

И на этом, довольно интересном, полном перегородок, погоняла буржуазного ученого. Третий раз в Германии, он с энтузиазмом едет в СССР. Лишь здесь, в стране строящегося социализма, он может полностью развернуть творческий талант, применить свои знания. И в СССР он не только ведет громадную производственную и научную работу, но и находит общий язык, подлинное общение с рабочими, знающими и любящими рабочую и общественную массу. Без всякой фальши, надуманности раскрывает Ю. Герман образ своего героя и закономерность такого раз-

вития. Капитализм сдвигает человеческую личность, — линии социалистическое общество обеспечивает расцвет личности.

«Вступление» рисует процесс переделки буржуазного ученого не изобретено социалисто-политическими отношениями, а в самой тесной и неподвластной связи с шиком. Ю. Герман дал громадное социальное полотно: положение рабочих в Китае, в Гонконге, в Германии, в рабочих и строительство нового мира — рабочий класс СССР, строящий социализм. И в разработке этого материала у Ю. Германа многое удивило, талантливых мест, положений наряду с большими провалами, ошибками, неудачами.

КИТАЙ. — Ряд ярких мест, рисующих наглую беззастенчивую эксплуатацию китайских рабочих, китайских трудящихся. Жуткий рабочий класс Третьего мира. От рабочего китайского капиталиста. Но в показе китайских рабочих у Ю. Германа опущаются мелодраматичный подход. Кроме пребывания, никаких других подвоев в китайских рабочих Герман не обнаруживает. Китайская революция дала примеры изумительного героя, революционного подъема китайских рабочих. Эти впечатления моменты выходят за рамки Ю. Германа.

ГЕРМАНИЯ. — И здесь немало диких образов и сюжетов. Народ, спасшийся от рабочего класса — мастер Шаванин. Но Ю. Герман не сумел изобразить рабочий коллектива.

Сильно и ярко обрисована жизнь одной рабочей семьи. Показано, как выдаивает все сюжет капитализм из рабочего, а потом больного, старого, выбрасывает за борт жизни. Показано бедственное положение рабочего класса Германии, автор «Вступления» не сумел справиться с изображением борьбы пространства.

Сформулированная роль коммунистов в этой борьбе также не выражена на страницах книги, ставка падает стихийно: организованная борьба пролетариата показана крайне бледно. Ю. Герман не сумел дать больших социальных обобщений в изображении жизни и борьбы рабочего класса Германии (национально-фашисты, социал-фашисты, эсэсовцы и т. д.)

СССР. — И здесь действие происходит на бумагной фабрике, на которой после Китая Герман вернулся в Гонконг, чтобы работать Кильберг. И здесь все время переполнительные, работы над членами. Планы — позверии. Правые опоры — сплошные по главе фабрики, составлены дурачные цифры, гигант все время фабрику называет. Яркие, удачные образы «капитинского» человека — секретаря ячейки и редактора газеты — лакированные и примирены. Рядом с этим — рабочие, склоненные над рабочими фабрик. Продолжает в руко́водстве подчиненных бандитов — рабочие. Начинается борьба за большевистские темы, за максимальную производительность. Ю. Герман дает ряд удивительных зарисовок. И секретарь парткома Шеглова, и молодой инженер-коммунист Немец, и большевик-подпольщик Арфесен живут на страницах книги, замечательны они в своем единстве. Две стороны, выдвинутые особенности центральной и общей большевистской настойчивости и полюбовливаемости в борьбе за план. И опытный с этим у Германа — неудачи и провалы. Седин — старый сотовщик, из бузотера превратившийся в созидающего рабочего, даже автору очень нечетко. Седин бунтует от начальства, из-за заслуженного премии, приставленной к себе начальником. Удивительные сценки. Седин, автор не показал рабочий коллектива, его передавалось на всей попытке. В романе рассказывается о комсомольской бригаде, об ее ударной работе, но в действии она почти не дана.

Но несмотря на все эти недостатки, «Вступление», бесспорно — значительный вклад в советскую литературу. Важно, большую роль, Ю. Герман, несмотря на все недостатки, сыграл. Для него, для системы, различное положение рабочего класса в странах капитализма и в СССР — все это нашло свое художественное выражение в книге Ю. Германа.

Надзор и другие художественные достоинства книги: оригинальный смешной язык, выразительный, яркий диалог, напряженность и динамичность изложения.

ВТОРАЯ НЕФТИНАЯ БАЗА НА ВОСТОКЕ

Удивительная история этой страны!

Раскосы глава народа, привнесшего сюда неизвестно откуда. Дороги, из которых проходили татарские позиции Батыя и мольницы Емельяна Пугачева. Полтораста тысяч квадратных километров горных кряжей и бескрайних степей, где свободно уместятся штаты Бельгии. И страшные рассказы о кровавых восстаниях, о тысячах повстанцев, посаженных на кол, о виселицах, пытках, пожарах и синах о пострадавших.

Еще недавно эта страна, зажатая между Уралом и Волгой, была сплошным белым пятном на геологической карте: никто никогда ни разу не проник в ее недра.

Завтра — это страна, зажатая между Уралом, где тысячи насосов высасывают из земли минеральную сировину, и Сибирью, где в форме ложных копий падают на землю, чтобы отправить их в МТС, на аэродромы, в гаражи, в ангары дрижаклей, в аптеки, и военные арсеналы. Страна, чье имя пронесет из всей мир, как гремели когда-то Оклагом, Техас, Невильшины, Баку, Грозный, Майкоп. Потому что в недрах этой страны, на глубинах сотен метров, под обоями парфюма, мергели, известняков залегают скопия нефти и миллиарды кубических метров газа.

По указу императорского величества императрицы российской Анны Иоанновны, весной 1735 г. в Башкирии отправляется экспедиция генерала Кириллова.

В Астрахань прибывает экспедиция Тевкелева. Он проводит первоначальную обследование, и он не называет стечностью. И после себя он оставляет сожженные деревни и изнасилованных женщин. А когда во время одного из пожаров башкирские стрельцы убивают десяток русских солдат, полковник Тевкелев доложивает генералу Кириллову о вероломном нападении башкир.

Он получает приказ:

— Наказать.

И генерал, борзаяшая экспедиция полковника, о которой и по сей час от детей к отцам, от отцов к сыновьям передаются по вечерам, отправляется в ней Тевкелев. И деревни поджигаются ими Тевкелевы. И деревни исчезают, подожженные с четырех сторон. К утру — 1000 убитых 105 сожженных живых и 10000 раненых.

За Семипалатин — 50 деревень, почкообразные кочки, тысячи башкир, посаженные на кол, и гаремы у русских офицеров, — полковник Тевкелев отдал им в рабство всех женщин.

Через пять лет — в 1740 г. — идет экспедиция под начальством генерала Яруссона и новое восстание. На этот раз на главе с Салтан-Гиреем, поддается вся Башкирия. И Салтан-Гирей разбегается в колыбели родины края. Но вспыхивает и в его официальных докладах императрицы писари выводят гусиными перьями.

Посажено на кол, повешено за ребра и прости, за шею — 16.634. Утрезаны уши и носы и наказаны, потому что они несут с собой орудия казни —

— 301. Родзано в рабство 3.718 г. 696 деревень.

Сожжено

В 1755 г. опять восстание и снова поражение. Спасаясь от пожаров, виселиц, пыток, 50 тысяч

башкир бегут на восток, к Аральскому морю, к киргиз-касыкам. Их провоцируют горячие деревни.

Теперь Башкирия покорена. И сюда тянутся толпы русских чиновников грабить башкирские земли.

4 октября 1881 г. император Александр III издает указ о выгнании изображений башкирских земель russkimi должностными лицами. Отставной чиновник может иметь от 100 до 500 десятин, служащий — от 1.000 до 2.000. И все, начиная от губернатора и кончая посвященной бабкой, грабят башкир. Запугиванием, подлогом, убийством они отнимают даром земли башкирских крестьян, толпы вредных случаях распахивают с полями за отсутствием плугов по 8 коп. за десятину, боятся, что земли уйдут из рук.

Миллион деревень превращаются в руин русских чиновников, и в 1891 г. торжествующая империя хвастается покоренной Башкирией: тюрьма башкирских лояльщиков на удалении всей Европы лихо пролежат путь от Самары до Парижа в 77 дней.

И снова долгие годы никто не знает о Башкирии. Заброшенная в далекий юго-восточный угол европейской России, она голодает в неурожайные годы и энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон не вспоминает ни писать: «В Стерлитамакском уезде имеется 45 привалочных церквей и 250 мечетей...»

Так в заревах пожаров, в крови и казнях проходит яичный день Башкирии.

Октябрь и гражданская война всколыхнула Башкирию. И слова по ее полям, урожищам в горных краях гудят орудийные ладлы. Атаман Дутов, чехо-славян, кулацкое восстание Заки Валидова и в 1919 г. образование Малой Башкирии с центром в Стерлитамаке, а в 1921 г. —

десант ЦИК об Автономной советской Башкирской республике.

И с каждым годом все чаще и чаще приезжают сюда врачи, учителя, агрономы. Вместе с ними на башкирских станицах визируют геологические экспедиции. Они приезжают сюда, чтобы расщепить белое пятно Башкирии на своих геологических картах узором несторожевого ископаемого.

Но самое главное, на ее недра нацистами издавна, с краяного южного угла — с Эмбенских нефтяных промыслов.

Когда-то в 1889 г. здесь впервые некий Леман в урочище Карабаукуз из скважины глубиной в 40 метров получил фонтан, давший 5 тысяч тонн нефти. Это говорило о громадных богатствах района. За короткие годы из 40 скважин на 40 нефтеизвлекательных участках начали добывать нефть из трех основных пластина — Досор, Мамат и Башбуинас. Но Лианозов и Манташев — нефтяные короли Баку и Грозного — не желают иметь конкурента. Они накладывают свою тяжелую руку на молодой район, и он хрипит. В 1913 г. Эмба дает лишь 98 тысяч тонн нефти — прощь всей нефтяной добчицы России.

Составленная в 1913 г. карта месторождений на месторождении из скважин эмбов. И скоро 40 месторождений выросли в 400, а лобмы поднялись до 342 тысячи тонн в 1930 г.

На геологической карте были нанесены разноцветные кружочки нефтяных месторождений в созвездиях Геодактина появились:

— На площадях в 150 км. — минимум 400

тыс. т. нефти.

И вот:

— Эмба — мировое месторождение.

Но Эмба — не Башкирия. Ни на геологической карте Башкирии, напрежмени ни одного нефтяного кружочка. Здесь упорные экспедиции, поиски, изыскания.

Новое нефтяное открытие — далеко за северо-западными границами Башкирии. Проф. Преборзайский около Перми, у Чусовских городков, изыскивает нефть.

И тут же, с открытием нефти в Чусовских городках, геологии вспоминают об Ухте, о далекой северной печорской нефти. И группе геологов кажется, что тесно связанные между собой эти три месторождения, что это только случайно падающие звенья единой нефтяной цепи. И они начинают изыскания в 150 километрах неисследованных земель и нужны новые исследования, поиски, экспедиции.

Два долгих года уходит на это — тимонец — серия телеграмм. Челынь на Верхней Каме сообщает, что разведывательное бурение на глубине 400 метров обнаружило нефть.

Южнее на реке Сок в Самарской Луке на глубине 60 метров найден известник, пропитанный нефтью.

Еще южнее, в Нижнем Заводске, обнаружена нефтяной газ в Чап-Чии и Бии-Чехо.

И наконец телеграмма из Башкирии.

26 января 1932 г. скважина № 703, запущенная около Стерлитамака, дала выброс газа и нефти в виде фонтана.

— 16 мая 1932 г. — скважина № 702, запущенная в 246 км. от № 703, фонтантирует нефтью.

Так отдаленные земли сплюнулись в цель, и она простирается от Укыи через Челябинск и Чусовские городки, через Самарскую Луку и Стерлитамак к Эмбе.

Все громадные полосы земли от Каспия до Ледовитого океана, занятая между Уралом, Пензой и Волгой, — неразрывная цепь нефти, месторождений. И это не месторождений! Среди нефтяных полей Америки дает в среднем 1 т. нефти в сутки. Каждая скважина из Стерлитамака превосходит по своей добыче американскую цифру в 40 раз.

Но геологические расчеты, формулы, вычисления идут еще дальше. С неопровергнутой очевидностью они говорят, что, тем, что видели вчера, не только нефть, но газ, находившиеся в скважинах и спущенные в жидкость. Это только «спаривание» нефтяных озер, которые лежат глубже и перекрывают цепь туннеля на тысячи километров. И что центр этой цепи — в Башкирии, у ее первой столицы — Стерлитамака.

Так протекает сегодняшний день советской Башкирии — превращение белого пятна в мировое месторождение нефти.

Завтрашний день Башкирии не похож на ее «чера» и «сегодня».

Лес выше. Издали кажется — это грандиозные памятники на кладбище великанов. Кладбище мертвых — полей не видно. Жизнь только в маленьком домике посреди промысла. В нем —

«акустический» мотор. Он обсуждается 20—30 людьми, и это не потому, что направлены в совместном притуплении давние железные штавы. Как паутины, они скрывают промыска целой сеть железных поводков. Поводки движутся и покрываются, качалки работают, и насосы качают нефть из нефтяных озер, расположенных иногда на глубине 1,5—2 километра.

Совместительской азаки нет людей. Мирно хлопают ветки, беспомощно качают нефть из герметически закрытой скважины, и только раз в сутки приходит к выходе замерзшая и запылившая показания манометра — «обогащенного аппарата, регистрирующего количество добываемой нефти».

На всем пути, от скважин и отдельных песка и грязи до своих границ, нефть не разу не видит солнечного света. Но это подтверждает, что скважина — это аппарат, который в течение часов потоком по этим нефтепроводам. Они находятся в пути 15 дней и проходят по степям, где летом 40° жары, а зимой 40° мороза. Но башкирская нефть каприсна. Она может застыть при охлаждении. И чтобы не застудить путешественницу по дороге, ей перед ходом делают присохранительную обмотку из добываемой из промысла нефтяных продуктов. С этой присохранительной обмоткой проходит сотни километров и попадает в громадные резервуары Орака и Самры.

Отсюда ее пруть лежит на нефтеочистительный комбинат по целой сети труб, длинной которых только на территории комбината — сильнее 100 км.

Комбинат — пареноги резервуары, котлов трубопроводы. Попадается со стороны операций, нефть медленно движется из аппарата в аппарат, из цеха в цех, чтобы разиться в конце концов в десятки различных баков.

Здесь — керосин и бензин, смазочные масла и краски, удобрения и варьчатые вещества, духи и под лекарства и асфальт или мостовых, искусственный каучук и парафин для светильников и бумаги.

Отсюда все это тысячами вагонов, баржей, автомобилей-цистерн расходится на юг, на север, на восток и запад — по всему Союзу.

Не только нефть жидкую качают насосы с нефтяных полей Башкирии. Они ловят и газ испарение нефтяных озер. Снова переплет трубчатых и резервуаров, сотни операций и десятки добываемых продуктов.

Между ними — гелий — неизвестный газ для дыхательных аппаратов. Благоул — для сварки и резки металлов. Водород — для искусственных удобрений и восстановления извести.

Его поймают в трубу и направят в целую серию аппаратов. Он проходит через гидравлические, скруббери, колодильники, очистители и соируется на конец в громадные металлические цилиндры — гаэльдеры.

Остается будет пропущена для газа подземная дорога. Сотни тысяч километров лягут в землю в подземных трубах. И по этой подземной трубе пойдет газ в города и колхозы Поволжья и соседнего Узала.

Вперед металлических труб разбежится газ под улицами и площадями городов и прежде всего отправится на заводы, в те приборы, установки, где не в силах справляться с работой электричество. Но общая масса газа превышает потребление. Задесь гигантские трубы подведут газ к их тоннелям, и он будет единственным топливом Поволжья и Узала — это испарение нефтяных озер Башкирии, Самарской Луки, Челянды.

Сгорая в топках электропрессов, газ не даст ни дыма, ни конопоты ни вредных уддушивших газов. И жители этих городов не увидят дыма, ни топлива. Все будет спрятано глубоко в землю, в подземные тоннели. И здесь, в подземных стволах измерительных приборов будут рассказывать о миллионах кубических метров газа, пропущавшего под землей, да маленькие рябички дадут возможность бросить миллионы киловатт электрической энергии на сотни километров в города, колхозы, МТС.

Таким будет завтрашний день советской Башкирии.

НАУКА СЛУЖИТ СОЦИАЛИЗМУ

Выездная сессия Всероссийской академии наук проходила в Сафандровском в здании оперного театра

В честь открытия сессии. В присутствии — академики Карлинский, Кржижановский и др.

Сотни трудящихся неохотно следили за работой сессии Анданини

Академики посетили Уралмашстрой и их поневоле вела бригада чугуновщиками своего цеха

Другая группа побывала на Верхне-Исетском заводе № 4 в Самойловичево-комиссионной Свердловской магистрали

ЦЕХ ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ № 8

Игры технического творчества

ВАЛЬЦЕВЫЙ ЦЕХ — СЕРДЦЕ РЕЗИНОВОГО ЗАВОДА

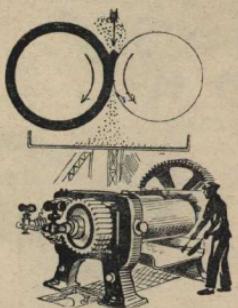
Рис. Л. Смехова

Вальцовка — основная операция резинового производства. Вальцевание — это одна из наиболее важных и ответственных операций работы. Вот почему на нее необходимо уделить внимание изобретательской мысли наших резиновых предпринимателей, ведь незначительные различия — это экономия сотен, тысяч рублей.

Совсем недавно вальцовка заканчивалась в следующем порядке:

После нагревания (распуска) каучука на зубчатых вальцах он поступает на гладкие вальцы, показанные на нашем рисунке. Вальцы отставлены друг от друга на некоторое расстояние, которое изменяется в зависимости от температуры каучука.

Сейчас же из каучука снимаются необходимые при производстве ленты, которые соединяются с мастью, а оставшиеся падают вином на лоток. Вальцовщик со щеткой со бирает с лотка химикалии и снова выпускает их в дело. Кроме того рабочий — вальцовщик регулирует при помощи винтов зазор, через который проходит каучук, и следит за тем, чтобы поддерживать определенную температуру нагревания.

Работа эта несложна, но требует большого внимания. В приведенном случае неизбежны брак, который отыскивается на весах производственных.

Итак вопрос упирается в то, чтобы придумать такое приспособление, которое, используя имеющееся оборудование, механизировало бы работу вальцовщика.

Бригада изобретателей Ленинградского галошного завода разработала такую конструкцию, но это не интересует и десятки других проектов, которые могут донести до читателя. Это тем более возможно, что аналогичные производственные процессы можно встретить в целом ряде других предприятий — например кондитерских, текстильных и других.

Подумайте же, какое каскадное машинение, механизировать труд вальцовщика, и пришлите предложения, представляющие техническую новизну, будут премированы.

Под редакцией САМСОНА ГЛЯЗЕРА

Серия «Посадили в галошу»

НАКЛАДНАЯ ПОДКЛАДКА

В мужских галошах одной из составных частей является текстильная прорезиненная подкладка по форме, изображенной на нашем рисунке.

При этой конфигурации подкладки из одного квадратного метра выходило в среднем 12 пар латексных мужских галош.

Изобретатели тт. Журжини, Кобров и Ульбик с ленинградского галошного завода «Брасный треугольник» пришли к выводу, что такая конфигурация подкладки обходится фирмам многою производству слишком многою отходов, и решено сократить этот излишний накладной расход.

Они предумали, как изменить конфигурацию подкладки с тем, чтобы количество деталей (подкладки) можно было значительно увеличить за счет сокращения отходов. Изменение конфигурации только по одному ленинградскому заводу дает экономии на прорезиненном ворсом трико смытее более 80 тысяч рублей в год.

Не можем ли мы чего-нибудь нового предложить в галошную промышленность, чтобы сумма экономии была увеличена?

НОЖ В ЛОМ

Тов. М. Вентрауб обратил внимание на то обстоятельство, что испеченные хлебные пирожки, изготовленные из очень дорогой стальной шляпки в лом.

С таким породком он не мог примириться и сделал предложение, дающее возможность использовать стальной клинок до конца.

Не можете ли вы сказать, что предложил т. Вентрауб?

Игры технического творчества

ПРИКАТКА ЗАДНИКОВ

До сих пор на галошных заводах прикатка задников производится вручную. В руке у работника, сидящего на конвейере, — ролик, которым она несколько раз проводят по заднику и таким образом прикатывают его к колодкам.

ТКАНЬ В ТЕСЬМУ

На Ленинградском галошном заводе прорезиненная ткань сначала разрезалась на ленты, а затем из них изготавливались тесьма, находившая применение при изготовлении резиновых бот и т. п.

Все эта работа производилась вручную. Материал по линейке разрезалась руками, ножом, а из ленты вырезались листы уже тесьма. Изобретатели тт. Озеров и Киряченко предложили приспособление для разрезки материала на ленты, а затем уже — на тесьму.

Понятно, что такой полускучаренный способ работы должен быть вытеснен более совершенным базой применения различных приспособлений, облегчающих и механизирующих труд.

Подумайте и вы над этим. Предложение т. Орлова не исключает сотов других проектов и, возможно, не менее совершенных.

ПОМЕНЬШЕ ДЕТАЛЕЙ

Все галоша состоит из набора отдельных деталей, которые собираются на конвейере.

У рабочих резиновой промышленности вопрос сокращения количества деталей в галоших — это вопрос снижения себестоимости, ускорения темпов выпуска продукции.

Подумайте, чем заменить сборку галоши из отдельных деталей. Очень возможно, что работники других производств могутнести ценные предположения, которых наши предыдущие резиновые промышленности.

Подумайте.

Колхозница-узбечка
за сбором хлопка